

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ



№ 6 / 1994

в номере: ■ ребёнок получает образование дома: большие возможности, немалые проблемы ■ пелёнки да распашонки — нехитрые вещи? ■ ваши требования к мальчику могут быть вполне законными, но посчитайтесь и с его желаниями ■ откуда в ребёнке жадность? ■ физические нагрузки — как их высчитывать и дозировать ■ если случился тепловой удар ■ и ещё раз о порядке назначения и выплаты пособия на ребёнка ■ Людмила Петрушевская: сказки о Барби. у Барби обнаруживаются волшебные силы! ■ вышиваем: живопись иголкой ■ новый урожай: начинаем делать заготовки

СЕМЬЯ и ШКОЛА ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Основан в 1871 году
Возобновлён в 1946 году

Главный редактор
В. Ф. Смирнов

Редакционная коллегия:
В. В. Андреев,
(главный художник),
П. И. Гелазония
(заместитель
главного редактора),
Т. Я. Кедрина,
Л. Ф. Осипова,
В. А. Рыбаков,
С. И. Сивоконь

Служба маркетинга
и сбыта:
И. А. Кустова

Обеспечение выпуска:
Г. М. Асоскова,
А. М. Бакланова,
М. В. Жилинская,
В. И. Терёхина,
А. А. Никонова,
Д. А. Щёголев

Компьютерный набор
и верстка:
Л. В. Абрамова,
Р. В. Хортов

Учредитель журнала:
трудоу коллектив
редакции

Адрес редакции:
129278 Москва И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-80-09, 283-86-14

Ордена Трудового Красного
Знамени Чеховский
полиграфический комбинат
Комитета
Российской Федерации
по печати
142300 город Чехов
Московской области

№ 6 (июнь) 1994
Подписано в печать
18 июля 1994 года
Формат 84x108 1/16
Печать офсетная
3 печатных листа
(условных — 5,04)

Тираж
100 000 экземпляров
Заказ 2895

© «Семья и Школа», 1994

Домашнее образование опирается на школу

Вряд ли кто-либо из родителей не согласится с тем, что ребенка лучше всего обучать сообразно его индивидуальным особенностям, и это уже абсолютно необходимо в случае, когда «типовая», рассчитанная на среднестатистического ученика форма обучения не только не дает желанного результата, но еще и может причинить ребенку вред.

Не удивительно, что сегодня индивидуальная форма обучения, то есть домашнее образование начинает привлекать заинтересованное внимание все большего числа родителей, которые со временем убеждаются в серьезном (правда, далеко не всегда неизбежном и неустрашимом) «расхождении» их чад со школьным укладом, с обычным порядком изучения основ наук, с нормами школьной дисциплины (они могут быть трудны для вполне нормального да еще и на редкость способного ребенка, трудны лишь временно или навсегда).

Что и говорить, проблема домашнего образования как безусловно необходимого известной категории детей становится все актуальнее, и приуменьшать ее значение — это все равно, что доказывать, будто все дети одинаковы, «которые нет, так это все только от баловства и больше ни от чего».

В Министерстве образования России завершена работа над документом, призванным упорядочить практику домашнего образования, сделать ее эффективнее и достойнее своего предназначения. Руководила этой работой начальник Главного управления развития общего среднего образования названного выше Министерства Маргарита Романовна Леонтьева. Естественно, редакция обратилась со своими вопросами именно к ней.

Что сегодня следует понимать под домашним образованием?

Я не склонна употреблять такой термин, точно так же, как «альтернативное образование», поскольку считаю, что образование — это личностное качество и можно говорить только о его бесспорной зависимости от уровня (качества) того или иного образовательного учреждения или о формах получения образования, в том числе — в порядке экстерната, в семье. Не будем, впрочем, вдаваться в терминологические споры. Понятно, что речь идет о получении образования в семье. Надо сказать, что у нас в стране всегда существовала система, при которой некоторые дети получали образование вне образовательных учреждений, то есть в семье, экстерном, в больницах. Но это были только те дети, которые не могли посещать школу. Теперь ситуация изменилась. Закон «Об образовании» позволяет всем желающим получить образование вне школы, а значит, в том числе, и в семье.

Для какой категории, или категорий детей целесообразно (желательно, предпочтительно, необходимо) домашнее обучение? Что

и кому именно должна представить семья, чтобы доказать свое законное право на домашнее обучение ребенка?

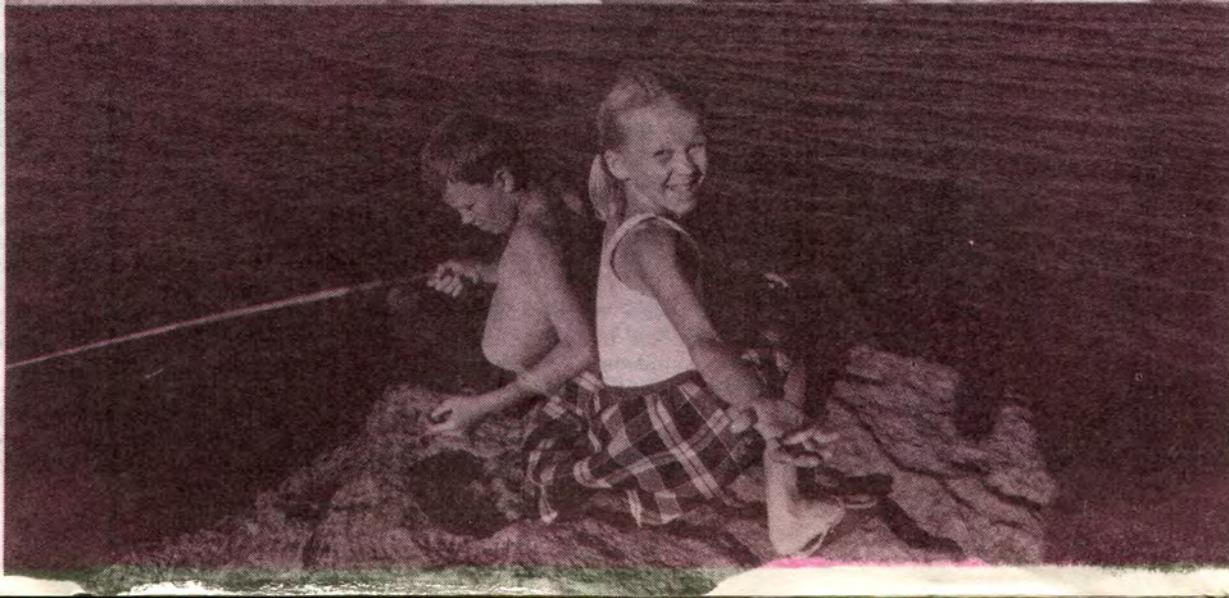
Очень важный вопрос. Не следует всем родителям спешить освобождать детей от школы. Для ребенка чрезвычайно важно общение с себе подобными, со своими сверстниками, важно формирование навыков общения и общности. Порой это важнее для его будущей жизни, чем само образование. И не надо искусственно уничтожать столь необходимую среду. Но для некоторых детей, на каком-то этапе их жизни бывает целесообразным обучение в семье. Это, в основном, для детей младшего школьного возраста, болезненных, которые страдают хроническими заболеваниями, а также для детей, которые некомфортно чувствуют себя среди большого числа людей, очень робких, с какими-то комплексами. Это, в основном, дети 7—10 лет. С возрастом у многих проходит робость, они лучше себя чувствуют среди сверстников и тогда необходимость не посещать школу проходит. Опыт образования в семье в России это подтверждает.

Никому не надо ничего доказывать. Если вы приняли такое реше-

читатель — редакция — читатель

фотографирую улыбку

Т. Шавердуг



ние, но при этом хорошо подумали и взвесили все «за» и «против», тогда необходимо обратиться в школу или в местный отдел образования.

Верно ли, что домашнее образование осуществляется по обычной школьной программе, призванной обеспечить определенные (приблизительно, достаточно) равные для всех форм обучения объем и уровень знаний? И какие именно необходимы средства, чтобы эта программа была успешно реализована в условиях домашнего обучения?

Если вы хотите, чтобы ваш ребенок получил образование не хуже, чем его сверстники, то обязательно надо держать связь со школой. Школа должна выдать учебники, организовать аттестацию вашего ребенка, перевести его в следующий класс, выдать документ об образовании. А документ об образовании может быть выдан только в том случае, если ваш ребенок освоил государственные стандарты, а до их утверждения — ту программу, которая реализуется в школе.

Какими средствами? Можете — учите сами, нет — приглашайте специалистов, няню, гувернера. Школа вам может посоветовать, но решение принимаете вы, поскольку взяли на себя ответственность перед государством и ребенком за его обучение.

Каковы права семьи, чей ребенок получает домашнее образование? Кто и как должен ей помогать? Каковы в таком случае прямые обязанности школы, местных органов образования?

Думаю, что так ставить вопрос неправомерно. Забрав ребенка из школы, вы забрали себе все права и обязанности. Школа должна всегда помнить, что у нее есть ученики, которые находятся на домашнем обучении. Это ее ученики, они должны получить образование. В новых классных журналах выделены страницы, где отмечаются успехи учащихся, находящихся на домашнем обучении. Школа, местные органы образования должны оградить своих учеников от возможных бед, в том числе от некомпетентных и безответственных родителей, которые не способны дать своим детям образование в семье.

Каким образом финансируется домашнее образование? Какие на этот счет имеются Положения (документы) и какова реальная практика?

В настоящее время разработано и одобрено коллегией Положение о получении образования в семье. Оно вступит в силу после его регистрации в Министерстве юстиции России, поскольку этот документ затрагивает интересы граждан России.

Финансирование родителей, обучающихся детей в семье, осуществляют местные органы образования в соответствии с нормативами финансирования на одного ребенка на своей территории. Конечно, это очень небольшие суммы. Обучение ребенка, тем более индивидуальное, стоит дорого. И это необходимо понимать.

Что касается реальной практики, то она пока только складывается. Думаю, что мы еще вернемся к этому вопросу.

Должны ли учителя местной (ближайшей) школы приходить к ребенку, получающему домашнее образование?

Нет, не должны. Все решает родитель. Он, фактически является работодателем и приглашает того, кого хочет и кто согласится.

Каким образом оцениваются успехи ученика при домашнем обучении? Как осуществляется школой (местным органом образования) соответствующий контроль, должная проверка?

Школа должна организовать аттестацию ребенка по четвертям или полугодиям и сообщить результаты родителям. Если ребенок не сможет пройти аттестацию, то прекращается финансирование родителями. Ребенка желательно вернуть в школу.

Имеет ли реальную возможность учащийся «надомик», показавший безусловно отличные знания, получить такой аттестат, который даст ему известные права, равные правам медалистов, при поступлении в высшее учебное заведение?

Да, конечно, если ребенок аттестован по всем полугодиям, сдал итоговые экзамены, как этого требует Положение о золотой и серебряной медалях, то он имеет равные права с детьми-медалистами, систематически обучавшимися в школе.



Его одежда

Нехитрые, казалось бы, вещи — детские пеленки да распашонки! Но это только на первый взгляд. Правильно подобрать одежду для младенца не так-то уж просто. Дело в том, что к ней предъявляются особые требования, причем требования многообразные.

Температурный комфорт. Одежда должна защищать младенца от холода, не должен он в ней и перегреваться.

Кто из родителей не боится простудить малыша! Не поэтому ли довольно часто его перекутывают, особенно зимой? Между тем чрезмерно укутанный ребенок сильнее потеет, одежда его становится влажной — а именно в такой одежде легче простудиться. Если ребенок всегда одет чересчур тепло, он становится менее устойчивым к температурным колебаниям (вспомните несовершенство системы терморегуляции у младенца и о необходимости ее тренировать). Так что подобная сердобольность идет только во вред.

Порой родители, даже стараясь выбрать одежду «по погоде», ошибаются — это связано с тем, что они руководствуются собственными ощущениями; а ведь ребенок иначе воспринимает температуру окружающей среды, чем они. Мать, которая сама редко мерзнет, считает: не холодно будет малышу, пусть закаляется — и вот поздней осенью мы видим ребенка в коротких штанишках и носочках (надо ли говорить, что он дрожит и чуть не посинел от холода?). Напротив, если взрослые боятся холода, они склонны не снимать и с младенца кофту с длинными рукавами даже в жаркий летний день.

Между тем прежде всего по самоощущению ребенка легко определить, каково ему. Ребенок, которому холодно, не играет весело — он чаще всего «сжеживается», лежит мало-подвижно. Малыш, которому жарко, тоже чувствует себя неважно — он томится, он беспокоен, капризничает.

Следите за изменениями погоды. Нет, скажем, просто зимы, она тоже бывает разная. Если морозы спали, снимите с малыша «лишнее» — ведь по отношению к себе вы поступаете именно таким образом! Летом подул северный ветер, потянуло холодом — позаботьтесь о том, чтобы надеть на малыша легкую шерстяную кофточку.

Ткани для одежды малыша выбирают те, которые «дышат», не мешают испарению и в то же время хорошо сохраняют тепло.

Защита кожи. То, что одежда малыша защищает его нежную кожу, это ясно. Но при этом она сама должна быть такой, чтобы не наносить ей повреждений. Все вещи, которые соприкасаются с кожей младенца, должны быть из мягкой ткани. Частая смена белья предохраняет от загрязнения, от возможного возникновения опрелостей, потертостей, предупреждает появление кожных заболеваний. Частая смена предполагает частые стирки — выбирайте ткани, которые стираются легко.

Удобство. Если одежда тесна, ребенок не может беспрепятственно двигать руками и ногами, играть и ползать по полу. Таким образом из-за неудобной одежды задерживается развитие движений ребенка.

Неудобная одежда может стать неожиданной причиной появления и закрепления нелепых привычек. С плеч малыша спадают слишком длинные лямки и он постоянно вынужден подергивать плечами, чтобы поправить их. И вот уж давно нет штанишек с лялками, а привычка, тревожащая родителей, никак не исчезает.

Одежду должно быть удобно надевать и снимать. Бывает, мать измучится, пока оденет ребенка. Впрочем, это и ему причиняет неприятности — если матери неудобно его раздевать, малыш кричит и сопротивляется.

Опрятность и красота. О необходимости держать белье чистым уже сказано. Стоит добавить, что это важно еще и с той точки зрения, что малыш должен приучаться расти опрятным. Разумеется, при этом

вы не будете запрещать детям ползать по полу или по траве из-за опасений, что они испачкают или порвут одежду. Это неизбежно; столь же неизбежны стирка и штопка.

Совсем не лишне, если одежда даже грудного младенца не просто гигиенична и удобна, но и нарядна, ярка, красива. Это важно и для него — ведь свои первые зрительные впечатления он получает и от одежды. Это важно и для взрослых — когда малыш одет нарядно, у близких лучше настроение. Предостережем от неправильного понимания красоты. Иногда вполне добрые намерения родителей приводят к нежелательным результатам потому, что, думая только о нарядности, они забывают обо всем остальном. И вот возникают странные одежды из дорогих синтетических тканей с кружевами, пуговицами и другими украшениями. Такая одежда ребенку вредна прежде всего потому, что она не пропускает воздух; кроме того, в ней не разрешают играть и двигаться — жалко, дорогая! — значит, наносится вред развитию движений. Нет, не нужна такая красота малышу.

Познавая мир

На протяжении первого года жизни младенец овладевает значительным числом действий и движений. Овладевая ими, малыш вместе с тем учится ориентироваться в окружающем пространстве, в свойствах предметов, в том, как эти предметы соотносятся и взаимодействуют. Иными словами, совершенствуются не только физические возможности ребенка, но и его психические качества.

Правда, в психике ребенка трудно с самого начала различить отдельные стороны, которые можно было бы определить как восприятие и внимание, память и мышление. Описывая поведение младенца, иногда употребляют такие выражения: «ребенок наблюдает», «ребенок узнает», «ребенок догадывается», «ребенок понимает». Надо всегда отдавать себе отчет в том, что эти выражения можно принимать только условно, не приписывая младенцу таких психических возможностей, которые свойственны взрослому человеку.

Да, младенец смотрит на предмет, но видит его совсем не так, как увидел бы его взрослый. Да, младенец тянется к погремушке, хватает



ее и начинает трясти, прислушиваясь к звукам, которые она издает. Но это совсем не значит, что он узнал погремушку, вспомнил, что она может греметь, и что для этого ее надо потрясти.

Способность воспринимать предметы и их свойства, представлять их себе, думать о них, предвидеть результаты своих действий с ними — все это складывается лишь постепенно, по мере того как малыш знакомится с окружающим миром. Сначала главное средство такого ознакомления — сами движения и действия малыша. И лишь постепенно, во втором полугодии, возникают и накапливаются уже специальные ориентировочные действия, выполняемые «внутри» — простейшие действия восприятия и мышления.

Основа основ умственного воспитания маленького ребенка — сенсорное развитие, то есть формирование ощущений, восприятия, обогащение малыша разнообразными впечатлениями, расширение ориентировки в окружающем. «Корни мысли у ребенка лежат в чувствовании», — эти слова И. М. Сеченова, сказанные еще в прошлом веке, находят подтверждение и в современных психологических исследованиях. Обобщать, сравнивать годовалый ребенок может только тогда, когда он непосредственно видит предметы, действует с ними. Накладывая два разных по величине колечка, он может установить, какое из них больше, то есть сравнить их по величине. Сделать это «в уме» он не в состоянии.

Хотя мы и не можем говорить о том, что на первом году жизни у ребенка сложилась устойчивая и сознательная потребность познавать — любознательность, вместе с тем мы не вправе недооценивать значения «детского любопытства». В нем, в этом любопытстве и обнаруживается пока тяга малыша к освоению окружающего мира, и тягу эту мы всячески должны поощрять, поддерживать, создавать условия для ее развития.

Мало представить в распоряжение малыша достаточное количество разнообразных игрушек. Интерес к окружающему надо удовлетворять буквально на каждом шагу. Вот так шуршит бумага. Вот так пахнет цветок. Посмотри в окно — там машина проехала. Какие вещи «живут» у нас в комнате?

А сколько впечатлений может получить ребенок во время прогулки! Помогите ему только разобраться в них — без вашей помощи он многого просто не заметит и не поймет.

Пробежала собачка, зашумело под ветром дерево, захлопал крыльями голубь, чирикают воробьи, собравшиеся поклевать рассыпанные зерна, — все это малышу надо показать, назвать; постараться вызвать подражание «голосам» животных, шуму деревьев...

Лепит ли малыш куличики из песка, пытается ли с вашей помощью скатать ком из снега, знакомится ли со свойствами воды (окачивается, серебристую струйку, льющуюся из крана, невозможно поймать) — обращайтесь его внимание на свойства «материалов», с которыми он имеет дело, показывайте, что может из них получиться и как.

Конечно, вы будете и специально заниматься с малышом — играть с ним, побуждать его играть самостоятельно. При этом вы побеспокойтесь о том, чтобы его «исследовательская деятельность» становилась все более устойчивой. Да, мы знаем хорошо, что малышу свойственно быстро отвлекаться, переключаться с одного предмета на другой. Но это не значит, что мы должны считать естественным, когда годовалый малыш не в состоянии ни на чем сосредоточиться в течение по крайней мере пяти — десяти минут. Если это так, то скорее всего родители не стремились к воспитанию устойчивости интересов ребенка.

Одно из условий успешности такого воспитания — уважение к занятиям малыша. Помните, что отвлечь его легко, поэтому, если он занялся, скажем, игрушкой, постарайтесь не отвлечь его громким разговором, не включайте в комнате радио, не гремите посудой. Не прерывайте игру ребенка ради того, чтобы накормить его минута в минуту или отправить на прогулку.

Если малыш способен занять себя сам, не спешите вторгаться в его занятия. Другое дело, если вы принесли новую игрушку, а ребенок не знает, как к ней подступиться. Конечно, здесь ему без вас не обойтись. Только не старайтесь открыть малышу всех ее секретов, оставьте кое-что и на его долю.

Возьмите себе за правило: то, с чем малыш способен справиться сам, взрослый не должен делать за него. Это, к сожалению, часто упускают из вида. Вот семимесячный малыш стремится подползти к ярко-желтой утке. Она его очень привлекает, и вы это видите. Но вместо того, чтобы оценить энергию, с которой ребенок пытается добраться до предмета своих желаний, вы спешите «порадовать» его и сами вручаете ему игрушку. Малыш доволен, рады

и вы. Но поступили вы неправильно: во-первых, вы лишили малыша возможности проявить волевое усилие; во-вторых, радость его была бы еще большей, если бы желанного он добился сам. А такая радость — мощный источник стремления всегда действовать активно.

Конечно, вы не примите сказанное как совет всегда оставлять малыша на произвол судьбы в его усилиях. Возможности его ограничены — и очень часто достичь цели он просто не в состоянии. Если он постоянно терпит неудачи, это только сковывает его. Часто малыш не может выполнить самые элементарные действия, которые нам кажутся простыми. В этих случаях ему надо обязательно помочь.

Невозможно заранее предусмотреть, в чем вы должны помочь малышу, а где постараться остаться в стороне. Очень многое зависит от вашей чуткости, от постоянного внимания к познавательной деятельности ребенка.

Я сам

Уже в начале второго года малыш начинает обнаруживать попытки проявить самостоятельность. В этих попытках находит выражение стремление ребенка к активному освоению мира, к проявлению усилий, к самоутверждению.

Увы, многие родители порой готовы сделать за ребенка все — он долго возиться будет, а так можно выгадать несколько минут. Но выгода эта весьма сомнительного свойства. Ее оборотная сторона — трудно восполнимые издержки воспитания.

Если постоянно глушить стремление ребенка к самостоятельности, он может вырасти пассивным, неспособным к каким-либо усилиям. Такой ребенок всегда будет ждать, когда за него все сделают взрослые.

Поэтому важно не оставлять без внимания попытки ребенка самостоятельно выполнить то или иное действие. (Конечно, те из них, которые не выходят за рамки разумного. Ведь маленький ребенок еще не в состоянии оценить свои возможности, может попытаться сделать что-то непосильное: налить горячее или поднимать слишком тяжелое.) Каждое достижение ребенка, пусть и небольшое, надо поддержать. Малыш постоянно нуждается в одобрении.

Воспитание самостоятельности тесно связано прежде всего с привлечением ребенка к участию в одевании, умывании, кормлении.

Навыки самообслуживания надо воспитывать не для удобства взрослых. В них заложен глубокий нравственный смысл, так как они развивают у малыша способность к усилию, которая в будущем явится необходимым условием трудового воспитания ребенка. Поэтому ошибаются те взрослые, которые считают, что выполняняя все за ребенка, пекутся о его же благе, «облегчают» будто бы его жизнь. Взрослые должны взять за правило никогда не делать за малыша то, что он в состоянии сделать сам.

Самостоятельность — это не только навыки, связанные с самообслуживанием. Это и умение занять себя. Уже на первом году жизни важно приучить ребенка часть времени проводить без участия взрослого, занимаясь предложенными им игрушками. Эту линию надо продолжать и в дальнейшем.

Воспитание самостоятельности не означает, безусловно, устранения взрослого. Напротив, детскую деятельность необходимо направлять, надо разумно руководить ею, оставляя место для проявления самостоятельности и инициативы. Скажем, малыш длительно играет однообразно: возит машину вперед и назад. Надо посоветовать ему, как продолжить игру. Может быть, для той же машины построить гараж. В следующий раз это поможет ему самостоятельно избрать продолжительные игры.

Развитие подражательности ведет к появлению у ребенка желания делать то же, что делают взрослые, участвовать в их делах. Это стремление надо поддерживать и давать малышу доступные ему поручения: принести что-то, положить в указанном месте. Так у ребенка формируется устойчивое желание быть самостоятельным, которое на третьем году перерастает в знаменитое «я сам!».

Когда вы требуете

На третьем году жизни у ребенка нужно и можно воспитывать умение выполнять элементарные правила общежития. Прежде всего — спокойно, без капризов и страданий выполнять такие требования взрослых, как вести себя тихо, не мешать другим членам семьи, когда те отдыхают, читают, работают дома. Он должен знать уже некоторые правила вежливости и стараться следовать им: здороваться, прощаться



ся, говорить «спасибо», «извините», «пожалуйста», подать упавшую вещь взрослому; не мешая окружающим и не стараясь привлечь к себе внимания, вести себя на людях — в гостях, в автобусе, у врача.

Учите ребенка доводить до конца начатое дело. Пусть привыкнет убирать за собой игрушки.

Побуждайте его преодолевать затруднения. Пуговица не слушается, но застегнуть ее все-таки надо.

Малыш должен усвоить хорошую привычку терпеливо ждать. Мама занята и не может обратить сейчас внимания на своего любимого малыша...

И еще он должен научиться пре-

одолевать свое желание, если оно невыполнимо, не плакать из-за больших и маленьких неприятностей (хочется погулять еще, но пора домой).

Чтобы ребенок выполнял эти и другие требования взрослых, они должны быть обоснованы, понятны ему и посильны. Двухлетний и даже трехлетний ребенок не может, например, спокойно стоять и ждать, пока мама, держа его за руку, разговаривает на улице со встретившейся ей знакомой. Но он в состоянии уже не шуметь и заняться чем-нибудь своим, пока брат учит уроки...

Зная, что чувства детей играют

большую роль в их жизни, надо требования к ребенку делать эмоционально привлекательными, вызывающими у него положительное к ним отношение. И хотя вы предлагаете малышу нечто в данный момент вовсе не приятное для него (например, пойти спать, когда так не хочется), скажите ему при этом: «Ведь ты уже большой. Сейчас папа увидит, как ты научился расшнуровывать ботинки и как сам умеешь аккуратно складывать одежду». Скорее всего малышу захочется подтвердить ваши слова, и он охотно пойдет спать.

Потребовав чего-либо от ребенка, непременно проследите, выполнил ли он ваше требование. Только в этом случае у него может войти в привычку считаться с вашими требованиями и выполнять их.

Требования к сыну или дочке не должны меняться в зависимости от настроения близких или от того, кто эти требования предъявляет. Часто же бывает, что папа требует, чтобы дочка обязательно ела сама, а мама «жалует» и кормит ее.

А еще можно и такое видеть: сегодня разрешают лечь в постель с игрушкой, а завтра категорически запрещают. Различные требования, отсутствие единства дезорганизуют ребенка. Приходится ли в таких случаях ждать от него послушания? Иногда из-за непоследовательности или несогласованности взрослых у ребенка могут возникнуть нервозность, повышенная раздражительность, упрямство.

Обязательно считайтесь с желаниями ребенка. Если же вам придется настаивать на каком-либо своем требовании, которое противоречит его желанию, постарайтесь все-таки объяснить малышу, почему необходимо поступить так, а не иначе. Например, малыш увлекся игрой, а пора уже идти на прогулку. Нельзя неожиданно и категорически предложить ему: «Оставь свою игру, давай одеваться». Лучше поступить так: минут за пять до того, как пора будет собираться, предупредите его: «Заканчивай игру, скоро пойдем гулять». Если ребенок продолжает с увлечением играть, а сборы на прогулку откладывать все-таки уже нельзя, скажите: «Не убирай кубики. Оставь все, как есть. Придем с прогулки, и ты снова будешь строить».

Г О В О Р Я Т Д Е Т И

Саша, 2 года

— Спасибо тебе, телевизор, что ты показываешь мультфильмы!

3 года

— А когда врачи были маленькие — кто людей лечил?

Надел мамино обручальное кольцо. Велико.

— А в какую сторону его закручивать надо?

Разговаривает с мамой.

— А мы будем сегодня мультфильмы смотреть?

— Прости, пожалуйста, но сегодня — нет.

— Нет, сегодня не могу вас простить. Только завтра!

— Санечка, ну сколько можно: ты уже полгода одни гаражи строишь! Давай что-нибудь другое построим!

— Давай, домик построим.

— А кто в нем будет жить?

— Машина.

Играет:

— А ну-ка идите сюда, слуги мои первые!

Рассуждает:

— Обещал делать дело — делай дело! Не обещал делать дело — гуляй смело!

— Санечка, не надо это есть, там микробы!

— Но я же их зубами раздавливаю!

Папа насвистывает.

— Папа, ты будешь наш свисток! Мы будем в тебя дуть, а ты будешь свистеть!

Катя, 2 года

Дедушка:

— Катя, осторожно! Упадешь и отломаешь свой носик!

— Мама новый купит!

Миша, 3 года

— У рыбы плылья, они плывут.

Мама наливает воды в чайник.

— Ой, налила даже в клюв...

Берет на прогулку печенье.

— Это если я обголодаюсь...

Виталик, 4 года

— Бабушка, до скольких лет люди живут?

— Кто до 60, кто до 80, а некоторые и до ста...

— А ты будь некоторой!

Весна, хорошая погода, а он не идет гулять. Мама:

— Ты бы пошел, погулял, посмотрел, как трактор работает!..

— Я не грач: за трактором-то ходить!

Гая, 3 года

Смочит на компот из черной смородины:

— И где он так испачкался...

Ест пельмени. Разломил одну.

— Мама, смотри: котлетина в шапке!

О старшем брате:

— Сидит с газетой, как президент «Торбанка».

— Мама, а взрослые умеют смеяться?

— А как же!

— Покажи!

Записали наши читатели:

Т. Ехученкова (Москва),

В. Лыкова (Владимирская область),

Г. Зеерева (Москва)

С. Степанов

Жадность

Никто не хотел бы, чтоб его считали скупым. Не желаем мы этого и своим детям. Легко понять огорчение родителей, когда ребенок готов с ожесточением вцепиться в свою игрушку, лишь бы не дать другому дотронуться до нее. Да и сами дети в своей среде скупость осуждают; «жадина» — одно из самых сильных детских оскорблений.

Справедливости ради надо признать, что далеко не всех родителей жадность ребенка настораживает. Иные наоборот с удовлетворением подчеркивают, что их дитя «ценит свое добро». Помилуйте, да неужели ценит? Лакомство, которым ребенок не привык ни с кем делиться, легко может быть брошено недооцененным; игрушка, которой никому не позволено играть, может быть сломана его же собственными руками... Главное для него — не столько насладиться владением, сколько не позволить этого никому другому. Если родители всерьез надеются, что из скупого ребенка вырастет рачительный хозяин, жизнь скорее всего обманет их ожидания. А вот в том, что повзрослевший «жадина» мало у кого будет вызывать симпатию, — в этом сомневаться не приходится.

Взрослый способен понять, что все окружающие его люди обладают разнообразными потребностями и стремятся их удовлетворить. Руководствуясь своими моральными убеждениями и в немалой мере — расчетом, он оценивает, в какой мере можно без значительного ущерба для себя помочь кому-то другому удовлетворить его потребности. Мирощущение ребенка — иное. Маленький человек эгоцентричен. Весь мир он пока рассматривает сквозь призму собственных потребностей и встать на чью-то иную позицию просто не может. Это не его недостаток, а возрастная особенность. Варослея, он научится (в большей или меньшей мере) считаться с мнением других. Но этому ему надо помочь научиться.

Любому с малых лет свойственно стремление владеть и пользоваться тем, что необходимо и желанно. Однако взрослый знает, что при этом надо соблюдать некоторые непрременные условия. Для ребенка почти никаких условий не существ-

вует. Выпустить из рук то, что малыш считает своим, — связано для него с переживанием потери. Именно данное переживание может впоследствии закрепиться и вылиться в том, что уже с полным основанием можно будет назвать жадностью. Но в первые годы жизни оно естественно, и задача родителей — помочь с ним легко и без напряжения справляться.

Прежде всего недопустимо ставить маленького ребенка в условия, когда он вынужден что-то «отрывать от себя». Например, если вы отправляетесь в дом, где тоже есть дети, и приготовили в подарок игрушку, которой нет у вашего ребенка, не удивляйтесь, что он может сильно огорчиться. И это не жадность! Просто ему и самому хотелось бы иметь такую же, играть с ней. И простейший выход из этой ситуации — приготовить подарок-дубликат («Мы подарим Васе такую машинку, какая есть у тебя»).

Если на прогулке кто-то из детей заинтересовался игрушкой вашего ребенка, помогите им организовать совместную игру, в которой можно использовать игрушку по очереди. Потом обязательно похвалите ребенка, подчеркнув, насколько лучше и интереснее было играть вместе. Так делаются первые шаги к пониманию того, что делаясь мы не теряем, а приобретаем.

Не следует забывать и о том, что ценности ребенка — совсем иные, нежели наши, взрослые. В коллекционирование карманных календариков дошкольник может вкладывать не меньше страсти, чем взрослый книголюб в составление личной библиотеки. Никто не упрекнет в жадности, скажем, автомобилиста, если тот не станет одалживать свою машину всем подряд. Но ведь для какого-то мальчугана подобной ценностью выступает дешевенький игрушечный автомобильчик. Не будем же к детям слишком требовательны! У каждого существует то, чем он не хотел бы делиться. Почему бы и детям не иметь такого права!

Ребенку 4—5 лет уже можно прямо посоветовать принять участие в игре со сверстниками и внести в общую игру свои игрушки. Если даже ваш альтруизм не распространяется на то, чтобы предложить товарищам ребенка доступные семейному бюджету угощения, сделать это не лишне в чисто педагоги-

ческих целях. В первый раз ваш сын (дочь) получает из ваших рук конфету и одновременно такую же получает его сверстник. В другой раз все угощение дается в руки вашему ребенку со словами: «Одна конфета тебе, вторую дай Мише». При этом ребенок фактически делится с другим, хотя по сути и выполняет поручение. Но так он на собственном опыте получает возможность понять, что, оказывается, сделать приятное другому и самому приятно. (Да и жертвовать чем-то своим не приходится.) Проделав этот безболезненный шаг, человек и впоследствии будет воспринимать его легко, без напряжения. Со временем ребенок уже обойдется и без инструкции: он знает, что надо делиться с товарищем, и способен сделать это сам.

Ясно одно: ребенок будет щедр настолько, насколько вам удастся сформировать в нем эту черту.

Ревность

Если речь заходит о ревности, мы, взрослые, обычно подразумеваем отношение мужчины и женщины, когда один из супругов или, как сегодня принято выражаться, партнеров терзается переживаниями в связи с реальной или подозреваемой изменой другого. Понятно, что детям такая проблема не свойственна. Это, однако, не означает, что проблемы детской ревности не существует. Просто их ревность может быть определена теми более общими формулами, которые приводят словари: «мучительное сомнение в чьей-либо любви, полной преданности, подозрение в большей привязанности к кому-то другому», а также «зависть к успеху другого, нежелание делить что-либо с кем-либо». Понятия привязанности и любви не исчерпываются сферой отношений полов, и переживания ревности детям отнюдь не чужды. Можно сказать, что потребность в любви присуща человеку изначально. Если она удовлетворяется не в полной мере или блокируется какими-то препятствиями, то возникают серьезные отклонения в развитии личности.

Для ребенка главный источник любви — его родители. Их любовь нужна ему в полной мере, вся без изъятия. Если возникает опасение, что такая монополия нарушена, то

в ребенке пробуждается ревность.

Чаще всего это происходит, когда вслед за первенцем в семье появляется следующий ребенок. Старший привык быть центром семьи и безраздельно пользоваться вниманием родителей, бабушек и дедушек. С появлением младшего ребенка ситуация резко меняется. Младенец слаб, беспокоен и требователен. Именно к нему теперь в первую очередь обращены взоры родителей. То есть речь идет даже не о дележе внимания надвое, а о явном перемещении старшего ребенка на вторую роль. Приспособиться к новой ситуации нелегко, и не всем детям это удается безболезненно. У многих возникает раздражительность, капризность, стремление привлечь к себе утраченное внимание, причем любыми средствами. А к младшему брату или сестре отношение возникает далеко не самое положительное.

Впоследствии такая дисгармония может сохраняться довольно долго. Дети разного возраста фактически не могут быть равноправны. И родители ожидают от них исполнения неодинаковых ролей и относятся к каждому по-своему. В отношениях детей это может проявиться в нездоровой конкуренции, ссорах.

Конечно, так бывает не всегда. Во многих семьях не наблюдается острых проявлений детской ревности. Как же удается их избежать? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим внимательно к тем психологическим механизмам, которые лежат в основе переживаний ревности. На сей счет существует немало метких суждений, большинство из которых сводится к тому, что ревность есть своеобразное проявление слабости, неуверенности в себе. Человек допускает, что кто-то другой получит над ним преимущество, в том случае, если сам он недостаточно уверен в том, что способен свое преимущество сохранить. Если моя самооценка невысока, то я легко поверю, что кто-то присвоит ту любовь и привязанность близких, которой я до поры пользовался.

Терзаний ревности не испытывает тот, кто осознал свое место в мире и понял, что даже не будучи совершенством, он достоин внимания и уважения близких. Навивно полагать, будто у маленького ребенка такая самооценка может сложиться в полной мере. Но это именно то направление, в котором ее следует формировать. Ребенок не должен испытывать недостатка в родительской любви и заботе. Но эта забота не должна превращаться в культ его

исключительности. Постепенно он должен осознавать, что существуют и другие люди, достойные внимания и уважения. Постоянное проявление доброжелательности и симпатии к близким (например, двоюродным братьям и сестрам, племянникам, бабушкам и дедушкам) приучает малыша к тому, что доброе отношение к другим людям не противоречит вашей любви к нему и нисколько не умаляет этой любви.

Некоторые специалисты во избежание ревности и враждебности между детьми советуют родителям относиться к братьям и сестрам одинаково. Нельзя не согласиться, что подчеркнутое выделение любимчика чревато психологическими осложнениями, и такого надо стараться избегать. Однако очевидно, что дети далеко не одинаковы. И не следует пугаться и корить себя, если отношение к ним несколько различается. Главное, что это различие не должно выливаться в явное предпочтение одного другому.

Поскольку по крайней мере на первых порах неизбежно сосредоточение внимания на самом маленьком и слабом, старшему необходимо объяснить, а главное — постоянно демонстрировать его роль именно как старшего, то есть более самостоятельного, умелого, способного на помощь и поддержку. Такая роль весьма импонирует любому ребенку, и если он прочувствует ее преимущества, то проблема ревности значительно сглаживается, а то и вовсе исчезает.

Впрочем, чувство, называемое ревностью, может возникнуть не только по отношению к младшим братьям и сестрам. Ребенок может испытывать его и к другим детям, если те его в чем-то превосходят. В таком случае появляются болезненные переживания, а к объекту ревности возникает недоброжелательное, враждебное отношение. В таких случаях надежной страховкой выступает утверждение ребенка в здоровой жизненной позиции, когда его собственные достижения и преимущества помогают спокойно и даже доброжелательно относиться к индивидуальности других. Постоянно подчеркивая слабость и несовершенство ребенка, мы вовсе не способствуем становлению у него здоровой объективной самооценки. Лишь научив его своими силами добиваться уважения и самоуважения, мы избавим его от нездоровой мнительности и враждебности.



Эти снимки мы увидели на выставке в столичном Политехническом музее. Работы детей из Москвы, Калуги, Вологодска, Гомеля, Ялты, Астрахани... Все они участвовали в фотоконкурсе "Дети в защиту природы", организованном Политехническим музеем совместно с Международным Гуманитарным фондом "Знание", Союзом фотохудожников России, Центром Международных проектов Министерства окружающей среды и природных ресурсов России при поддержке Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Что касается этой программы, то она была спланирована еще в 1985 году и постоянно обновляется. Сейчас создается новая Молодежная программа, которая будет учитывать мнение молодежи мира при разработке и реализации стратегий устойчивого развития; молодежь будет выступать в роли катализатора и координатора в решении экологических проблем будущего, особенно проблем региональных. Для того чтобы собрать эту выставку, был объявлен конкурс. Он проходил с ноября 1993 года по апрель 1994 года; отбирались в основном работы детей от 9 до 18 лет из детских и юношеских фотостудий. Совсем не для того, чтобы определить лауреатов и раздать награды лучшим. Хотя, конечно, был и праздник, и награды, и представительное жюри, почетным председателем которого избрали Джона Хейра, одного из инициаторов и организаторов известного фотоконкурса "Мир в объективе". Техническое мастерство многих работ способно удивить. Но главное, конечно, не в этом. Глаза детей высветили ту боль и ту радость от общения с природой, которые притупились у многих взрослых. Экологические проблемы, ставшие для нас первоочередными, понимаются детьми. Не зная, быть может, особенностей, не в силах еще оценить научную и социальную сложность решения этих проблем, они чувствуют, понимают, схватывают самое существенное — в силу своей близости к природе, не утраченной искренности. И эту идею катастрофичности, которая овладела многими умами, дети не принимают. Это противоречит их нутру. Что ж, взрослым будет интересно познакомиться с детским взглядом на природу и сравнить его со своим.

Л. Федорова



Константин Сокур,
14 лет
(фотостудия "Ритм",
Москва).
"Елки-палки,
лес густой..."



Павел Федоров,
13 лет
(фотостудия
"Московские окна"),
"Ритм"



Николай Карпов,
14 лет
(фотостудия "Мечта",
Дзержинск).
"Монстры"

Игорь Новосельцев,
14 лет
(фотостудия
"Олимпик",
Злоказово
Челябинской области).
"Мутант"



Кто выбирает обиду

*О мышлении, порождающем здоровье,
и о мышлении, порождающем болезнь*

Юрий Орлов,
доктор психологических наук

Поговорим об обыденном стиле мышления, который приводит к последствиям, для нас нежелательным. Мне бы хотелось, чтобы читатель научился различать мышление, способствующее оздоровлению, и мышление, ведущее к болезни. То есть отличать саногенное мышление от патогенного.

Я занимаюсь консультированием семей и хочу иллюстрировать это на примерах, известных мне.

Клиентка-женщина рассказала мне примерно следующее.

«Я на мужа обиделась, но хотела скрыть обиду, так как недавно мы договорились не ссориться по пустякам.

Он видел, что я обиделась. Он честно извинился. Но это не облегчило моего состояния. Я, наверное, продолжала обижаться и это ему было неприятно. Он меня спросил, по-видимому, намекая на наш договор, который мы приняли после одной ссоры, не обижаться друг на друга и носить зло:

— Ты все еще обижаешься?

Мне не понравилось, что он давит на меня, намекая на договор. Я ответила, что нет, хотя мне было обидно. Он, кажется, мне поверил, обрадовался, а зря.

Через час я ему устроила скандал по другому поводу. Он получился как-то сам собою, без умысла. Я сдерживала свою обиду, старалась не показывать ее, так как сказала, что не обиделась. Ведь культурный человек должен воздерживаться от эмоций. Однако, чем сильнее я сдерживала себя, тем было хуже. Я, чтобы скрыть свое состояние, переложиться, рассказала что-то не очень смешное, но муж обрадовался и даже чрезмерно радостно смеялся.

Я вроде уже об обиде забыла, но я все-таки устроила ему скандал. Просто мне было противно смотреть на его довольную физиономию, да еще он ко мне со своими нежностями; это просто обожгло мне изнутри гневом. После скандала вроде стало легче, свое раздражение я сняла. Но дальше пошли неприятности».

То, что она рассказала совершенно обыденно и нормально.

Эта женщина обратилась ко мне с жалобой на ухудшающееся самочувствие, на приступы дискинезии желчных путей, которые бывают после домашних скандалов. Я профессор психологии, терпелив, умею слушать.

«Теперь мы, — продолжала она, — не разговариваем третий день. На душе противно. Началась полоса неприятностей. За эти три дня я нечаянно разбила сервиз, подарок мужа на мой день рождения, поссорилась с начальницей, нагрубила соседке, сказала учительнице своей дочери, что она плохой человек. Теперь боюсь за свою дочь. Она не очень-то успевает, а учителя ведь мстительны. Столько неприятностей! И возникают они сами собой. Впечатление такое: что ни начини, как ни старайся, все равно получится плохо. Что бы это значило?»

Эта часть ее рассказа тоже обыкновенна, но она позволяет усмотреть какую-то бессознательную работающую программу, которая определяет чувства, мысли и поведение, вызывая события, именуемые неприятностями. Колдун сказал бы о наваждении или сглазе, ибо это самый удобный, примитивный, даже — первобытный способ мышления.

Итак, на фоне общего благополучия полоса неприятностей. Обида длилась три секунды, а последствие и ущерб длятся три дня. Но может быть и больше. Благие намерения, сдерживание, приступ гнева, скандал... Здесь, в становлении полосы неприятностей, определенную роль играют индивидуальные психобиоритмы, которые от нас не зависят. Начинается плохой период. Но то, как мы его переживаем, — ослабляем или усугубляем, — зависит от нас, от того, как мы реагируем на поведение другого. Никакого внешнего наваждения не может быть. Оно сидит в нас самих.

Люди могут быстро забывать обиды и оскорбления, но могут хорошо помнить. И при каждом воспоминании чувства подкрепляются, напряженность разрастается, так как в нее оказываются вовлечены еще и другие люди. Именно о внутренних

пружинах таких обыденных событий я и хочу поговорить с читателем.

Подобные явления Фрейд называл психопатологией обыденной жизни и объяснял работой бессознательной части человеческой души.

Я же это называю патогенным мышлением, то есть порождающим стресс.

Вы спросите, при чем здесь мышление, если обида — это чувство, а чувства от нас не зависят. Мышлением мы ведь можем как-то управлять, а чувствами нет. Чувства приходят и уходят, не спрашивая разрешения. Вот и обида. Она не сама возникла, — обидели. Просто не надо обижать других.

Но все не так просто. Поразмышляем.

Чем больше мы связаны чувствами с другим человеком, тем в большей степени он может быть источником хороших и плохих эмоций. Редко бывает так, чтобы близкие преднамеренно тебя обижали. Но все равно обижают; все это происходит как-то само собою.

Если тебя лягнет осел, то ты, наверное, пока в своем уме, не будешь обижаться на него. Но если я вижу, что мой друг или любимая ведет себя неожиданно, пренебрегает моими интересами, не держит слова или еще что-то в этом роде, то я обижаюсь. Обида — это некоторый привесок к благо хорошим отношений. Чтобы обижаться, нужно еще признавать другого подобным себе. Я не буду обижаться на глупого, психически больного или совсем чужого мне человека. Но если это — друг, возлюбленная, жена, мать, брат, то я обижаюсь. Источником обиды являются, как правило, мои близкие. Обида, как правило, поражает любящих. Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот, любящие должны быть терпимыми.

Отчего это так?

Я однажды спросил студентов, изучающих психологию: что возникает раньше — чувство или мысли? «Конечно, чувства! — был уверенный ответ. — Сначала ведь возникает гнев или обида, а потом мысли о том, что при этом делать». Так и большинство из нас думает.

А оказывается, все наоборот: эмоции зависят от мыслей. Когда нет мыслей и мы без сознания (например, спим) или же очень сосредоточены на чем-либо нейтральном, то никаких эмоций нет. Удивительно то, что чувства зависят не от сознательных мыслей, а от привычного и незаметного для сознания хода мысли. Поясно на примере.

Я могу обидеться, что друг не сдержал слова, скажем, пообещал вовремя прийти и не пришел. Но сила обиды, оказывается, будет разной, в зависимости от хода моих мыслей. Здесь возможны такие направления мысли:

«Он заболел, сложились уважительные обстоятельства»;

«Он пренебрегает мною»;

«Он не обязателен, наверное, отвлекся и забыл»;

«Да, я знал, что он не держит слова, на него не следует надеяться, такой уж он человек, но я принимаю его таким, какой он есть».

Еще следует добавить: чем больше желаний связано со встречей, тем сильнее эмоциональная реакция и тем сильнее последствия моих мыслей. Поэтому буддисты и стоики говорили: чтобы не было эмоций, надо испытывать желания. Но пока оставим желания. Остановимся на ходе мыслей.

Выбранный мною ход мыслей по поводу несостоявшегося свидания может облегчить или ухудшить мое эмоциональное состояние. Представьте на минуту себя на моем месте и оцените последствия каждого из направлений мысли. Поистине, вы увидите, что очень многое зависит от хода моих мыслей! Сказанное очевидно и просто, это каждому понятно. Но почему-то мы продолжаем обижаться. Казалось бы, измени ход своих мыслей и не будет сильных эмоций!

Отчего же мы не можем его изменить?

Все дело в том, что обиженный не может так рассуждать, как мы сейчас рассуждаем, ибо в состоянии обиды не человек мыслит, а, наоборот, «его мыслит». Его мышление программируется не самосознанием, не его разумом, а обидой. Оказывается, его мозгом мыслит не он сам, а его обида или его ревность.

Следовательно, в состоянии эмоции мыслю не я сам, а «меня мыслит». Получается, что в это время я не в своем уме. Поэтому-то люди и совершают много безрассудных поступков. Это надо понимать.

На кафедре педагогики и медицинской психологии Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова мы длительное время изучали эмоциональное мышление человека. Оказалось вот что.

В эмоциональном состоянии человек непроизвольно выбирает тот ход мыслей, к которому он привык, так как любая эмоция уже имеет некоторую готовую программу мыслей. Например, обида включает программу агрессивного поведения, что мы увидели из монолога женщины. Но

мы над этим в повседневной жизни не задумываемся, считая все это естественным и нормальным. Более того, мы не можем над этим задуматься, так как, во-первых, это мышление протекает бессознательно, по привычке (похоже на то, как автоматически мы застегиваем пуговицы, когда одеваемся утром). Во-вторых, бессознательности мышления способствует также наша установка на то, что мышление вроде бы и не играет особой роли. Человек по привычке считает, что главное — поведение, а не мысли, ибо мысль не реальна, а только «отражение».

Привычка обижаться, осуждать других делает меня обидчивым, а при обиде мое сознание суживается, и я не могу сменить ход мысли, свойственной обиженному, потому что не я сам, а уже моя эмоция обиды программирует мое мышление. Я оказываюсь как бы в ловушке обиды: вместо того, чтобы понять ситуацию, я думаю о планах мести или о том, как ущемляю мое достоинство. Другие же варианты не приходят на ум, так как принята программа эмоции и она должна осуществиться.

Мысли о мести, возбуждаемые плохой эмоцией, дают временное облегчение, переключая энергию души на умственную агрессию, гнев или иную психическую защиту. Это — временное облегчение, иллюзия нейтрализации эмоции. На самом деле привычки патогенного мышления закрепляются, склонность к эмоциям сохраняется. Человечу начинает нравиться вспоминать обиды, чтобы в уме наказать обидчиков, получить удовлетворение. Но от этого обида, наоборот, только усиливается и, повторяясь, закрепляется в виде черты характера. Получается заколдованный круг: обида порождает мысли, а повторение мыслей закрепляется в привычке так мыслить, эта привычка, в свою очередь, способствует обидчивости. Когда мы обижаемся, мы злы.

Кроме того, агрессия проявляется бессознательно, находя повод. Иногда она направлена на предметы неодушевленные (женщина разбила вазу, которую подарил муж), но большей частью — на любого обидчика, которого мы как будто простили: на соседку, начальницу, учительницу. Но почему-то не на милиционера!

Когда тобой владеет обида, ревность, гнев, то ты и оказываешься не в своем уме — тобой управляет эмоция. Пока ревность управляла мышлением и поведением шекспи-

ровского Отелло, он успел убить Дездемону, так как акт убийства был для него как для воина привычен. Когда же программа ревности была полностью выполнена, управление мышлением и поведением взяло на себя его самосознание, тогда он впал в отчаяние от осознания содеянного. Герои Шекспира тем и производят впечатление на зрителя, что все они похожи на биороботов, программируемых какой-либо одной чертой личности: мстительностью, ревностью, коварством. (Мистик или колдун объяснит это тем, что ими управляют духи, происходит дьявольское наваждение.)

Мы не лучше героев великого Шекспира, но, к счастью, мы достаточно слабы, и не всегда доходим до крайностей.

Люди, которые совсем не могут управлять своими эмоциями, бывают в обыденной жизни глубоко несчастными, если не сидят в тюрьме или в сумасшедшем доме. Способные только частично управлять собою живут на свободе, даже в семьях, но они очень несчастны. Ведут они себя временами как биороботы, только что владеющие речью и культурными навыками. Последствия такого поведения нетрудно вообразить. В приведенном нами примере взята довольно безобидная эмоция: обида. А если бы это была ревность, чувство оскорбления или страх? Последствия были бы куда разрушительнее. Я как психолог счел возможным показать читателю «механизм игры» эмоций и мыслей.

Как же быть?

Нужно осознать вот что: или ты будешь думать так, как думается, и получать эмоции, которые превращают тебя в биоробота, или ты научишься управлять своим мышлением и постепенно овладеешь своим внутренним миром.

Чтобы быть здоровым и благополучным, нужно изменить мышление, а не только диету. Мышление обыденное, пусть оно и нормально, может оказаться патогенным мышлением, то есть мышлением, порождающим стресс и болезни. Задача в том, чтобы сознательно выработать саногенное мышление, оздоравливающее, снимающее стресс.

Чтобы у нас с вами, уважаемые читатели, получился диалог, мне хотелось бы узнать, что вы думаете по поводу этой статьи. Буду рад вашим письмам. Постарайтесь ответить на вопросы. Мой адрес: 117321, Москва, а/я 67, Орлову Ю. М.

Отказаться от репрессивного стиля воспитания

рекомендует американский психотерапевт
Росс Снайдер младший

Современная педагогика, пишет он, рассматривает детей как полноценных и ответственных (в будущем) членов демократического общества и стремится воспитывать их в соответствии с этим представлением. Чему, однако, и по сей день мешает широкое распространение репрессивного стиля воспитания в семьях и воспитательных учреждениях.

Что такое «репрессивный стиль воспитания»?

Это, во-первых, телесные наказания, наносящие ребенку физический ущерб. Это, во-вторых, тип морального воздействия, наносящий ущерб психике ребенка, вызывающий у него реакцию отторжения и влекущий за собой заниженную самооценку, мстительность и страх.

В прошлом, продолжает автор, общество уклонялось от защиты основных прав ребенка на личную безопасность, справедливое обращение и равные возможности. На первый план выдвигались право родителей воспитывать детей по своему усмотрению, право педагогов самим определять формы и методы воспитания и обучения, право этнических и религиозных групп насаждать свои ценности. Допуская, например, телесные наказания детей в силу усмотрения их родителей либо тех или иных укоровившихся культурных и религиозных традиций, общество создавало таким образом низший класс детей, лишенных права на равное и справедливое обращение.

Если же демократия предполагает равенство, то современное общество обязано добиться, чтобы все дети, независимо от пола, расовой, этнической или религиозной принадлежности, а также социально-экономического статуса пользовались равным уважением и защитой их неотъемлемых прав. Прежде всего — права на личную безопасность и справедливое обращение. Безопасность предусматривает жизнь в условиях, не пред-

ставляющих угрозы, где никому не позволено наносить другим физический или моральный ущерб. Справедливое обращение требует честности в отношениях, уважения к собственности, ненасильственного разрешения конфликтов, равенства возможностей и готовности принять справедливые последствия собственных поступков.

Следует осознать, что право родителей по-своему воспитывать детей, право этнических и культурных групп поддерживать свою самобытность, право религиозных групп исповедовать свою веру не должно противоречить праву детей на безопасность и справедливое обращение.

Иначе говоря, обязанность взрослого — видеть в ребенке личность и гражданина, а не свою собственность.

Таковы вкратце общефилософские основания, по которым Росс Снайдер младший считает необходимым покончить с репрессивным воспитанием во всех его формах.

Кроме того, его статья содержит множество более частных соображений и замечаний.

Например, говорит он, защитники телесных наказаний утверждают, будто можно провести грань между справедливым наказанием и жестоким истязанием. Давайте присмотримся к этим аргументам. Мы увидим, что защитники телесных наказаний прежде всего лицемерят, ибо никогда не упоминают главного, а именно того, что наказывая

ребенка физически, взрослый получает известное удовлетворение. Сплошь и рядом наказываемый ребенок является, так сказать, козлом отпущения, на котором отыгрывается взрослый за свои собственные неудачи или несостоятельность. Не исключены и сексуальные моменты, если, скажем, наказывают девочек-подростков.

Но если даже и забыть об этих слишком уж неблагоприятных (хотя и вполне реальных) факторах, все равно аргументация защитников не выдерживает никакой критики. Судите сами.

Спектр мыслимых насильственных воздействий на ребенка имеет множество градаций; от убийства — через более или менее тяжкие физические и психические повреждения — до пустякового шлепка и презрительного взгляда. И как бы ни старались мы провести логически ясную границу между допустимым и недопустимым, эффективным и вредным, провести ее нам не удастся. Где та грань, отделяющая эффективное наказание от бесполезного (даже вредного) истязания? Если мы допускаем, что причинение боли в принципе эффективно, логика заставит нас допустить, что еще большая боль будет еще эффективнее. А если, напротив, мы признаем, что слишком сильная боль влечет за собой нежелательные последствия, то почему тогда не признать, что к наилучшим последствиям приведет полный отказ от причинения боли?

Несостоятельная казуистика защитников телесных наказаний часто происходит, по мнению автора, из непонимания существенной разницы между наказанием и его последствием. Отказ от наказаний они расценивают как попустительство и вседозволенность, как пренебрежение моралью и дисциплиной. То есть, проще говоря, считают, что, наказывая детей, тем самым управляют их поведением. И оправдывают наказание тем, что оно якобы способствует исправлению неправильного поведения и восстановлению нормального порядка вещей.

А так ли это на самом деле?

Ведь зачастую, учинив наказание, что называется, «сорвав ало», взрослые попросту отпускают ребенка — и забывают об инциденте. Таким образом задача исправления остается нерешенной, примирение — недостижимым; ребенок не всегда даже

Росс Снайдер младший — американский психотерапевт, доктор медицины, работающий в университете штата Нью-Мексико и много практикующий. С середины 1980-х годов он неоднократно приезжал в нашу страну вместе со своей женой Мэрилин Снайдер, также психотерапевтом.

Данная статья, с любезного согласия автора публикуемая нами в сокращенном изложении, связана с психолого-педагогической концепцией, сформулированной еще родителями Росса. Подробнее с ней можно познакомиться в книге, выходящей на русском языке в июне: Р. Снайдер, М. Снайдер, Р. Снайдер. Ребенок как личность: становление культуры справедливости и воспитание совести. М., «Смысл», 1994.

По вопросам приобретения оптовых и мелкооптовых партий книги можно обращаться по телефонам в Москве: (095) 195-93-28; 173-07-38.

понимает, в чем, собственно, заключалась его ошибка или вина. Короче, последствия наказания равняются нулю.

Тогда как гораздо важнее, чем наказывать, — добиться таких условий, при которых ребенок сознательно пошел бы на исправление неправильной ситуации, то есть осознал бы, что поступил неправильно. Скажем, отремонтировал сломанную им вещь, убрал оставленный за собой мусор, сделал несделанную работу, выполнил неисполненное обещание и так далее. Всех случаев, конечно, не перечислить. Если ребенок отказывается идти на конструктивное взаимодействие со взрослыми, упорствует и не хочет подчиниться, тогда его можно, например, изолировать до тех пор, пока он не признает свою неправоту. Безусловно, замечает автор, изоляция тоже может быть воспринята им болезненно, однако в данном случае принципиально важно, что она не имеет целью причинить боль. Цель — в восстановлении нормального порядка вещей, во взаимоприемлемом разрешении конфликта. Росс Снайдер младший уверен, что порядок и дисциплину можно эффективно поддерживать, не прибегая к наказаниям.

О культуре справедливости

Ряд специальных исследований, говорит он, убедил его, что в применении телесных наказаний отсутствует элементарная справедливость. Например, исследования среди больших групп американских учащихся показали, что наказаниям чаще подвергаются:

- младшие
- представители меньшинств
- ученики, нелюбимые учителями
- выходцы из маргинальной среды
- малоимущие
- представители мужского пола.

Весьма красноречивая картина. Даже несмотря на то, что старшие подростки, казалось бы, в большей степени могут отвечать за свои проступки, нежели младшие, они тем не менее наказываются реже. А это свидетельствует, что при назначении наказания боязнь получить отпор более значима, чем принципы справедливости.

Вопрос о справедливости, продолжает автор, можно поставить и в более общей форме. Справедливо ли само воспитание, основанное на наказании? Если справедливостью считать только уравнивание ущерба и воздаяние по принципу «око за око», — тогда да, репрессивный стиль справедлив. Если понимать

справедливость как возмездие, тогда наказание — лучший урок справедливости.

Однако заповеди большинства религий и наши представления о демократии учат понимать справедливость иначе — как образ жизни и ее необходимое условие. Можно и должно говорить о культуре справедливости в современном мире.

Каковы основные принципы этой культуры? Их три: безопасность, честность, конструктивное взаимодействие.

Общество, семья, школа и прочие институты гарантируют каждому человеку БЕЗОПАСНОСТЬ, то есть защиту от любых видов насилия. ЧЕСТНОСТЬ воплощается в равенстве возможностей, готовности мирно урегулировать конфликты и отвечать за последствия своих поступков. Наконец КОНСТРУКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ поощряет всех и каждого к активной деятельности, обеспечивает каждому принадлежность к единому народу и возможность для любого нарушителя быть восстановленным в гражданских правах.

Человек, разделяющий эти принципы, конечно, признает, что репрессивный стиль воспитания с ними несовместим, что наказание не является справедливостью и не способствует усвоению детьми норм социальной справедливости.

И снова с философских высот автор возвращает нас на реальную почву конкретной педагогики.

Часто приходится слышать, пишет он, будто за счет наказания хулиганов обеспечивается защита невиновных, а при отмене наказаний невиновные остаются без защиты. И правда, присутствие взрослого, способного наказать, может удерживать агрессивного ребенка от какой-нибудь выходки. Однако, если наказать его за то, что он кого-то ударил, он часто стремится отомстить тому, кто на него пожаловался. Очень быстро такой ребенок научается избегать наказания, запугивая и терроризируя свои жертвы в отсутствие взрослых.

Между тем существует много конструктивных способов пресекать хулиганство. Скажем, если взрослый попросит детей помочь ему создать такие условия, где никто не обижен и каждый чувствует свою безопасность, реакция, как правило, бывает весьма положительной.

Говорят и то, продолжает автор, будто дети, которые ни в чем не виноваты, считают несправедливым, если нарушителей не наказывают, и вследствие того сами теряют мотивацию к примерному поведению.

Опять-таки это представление ложное. На самом деле дети вполне способны принять такое обращение с хулиганом, которое не предусматривает наказания, если понимают, что оно (обращение) поможет хулигану измениться к лучшему, а взрослым позволит лучше защитить их самих. Понимают они и то, что меньше рискуя подвергнуться мести за ябедничество, если взрослые избегают наказаний.

Только в тех случаях дети требуют наказания нарушителей, если разуверились в других способах поддержания безопасности, либо, что важнее, выросли в условиях репрессивной культуры. В этом последнем случае они, бывает, даже провоцируют взрослых на более частые наказания, подставляя, естественно, вместо себя других. Кое-кто научается разыгрывать из себя жертву хулигана. Или организует провоцирующие хулигана игры, а сам выступает в роли обиженного и тихо наслаждается, когда хулигана наказывают.

Долговременные негативные последствия репрессивного стиля воспитания, резюмирует Росс Снайдер младший, тяжелы и многообразны. Вот лишь несколько примеров. Если ребенка часто наказывают или хотя бы он только бывает свидетелем наказания, пережитый им страх может всерьез исказить структуру его эмоций. Став взрослым, он не будет протестовать против несправедливого обращения. Он будет послушным — из страха.

Наказание может стать и тормозом развития способностей. Представьте такую ситуацию. Перед ребенком поставлена сложная задача. Ему не удастся справиться с ней. Его наказывают. В таком случае совсем не исключено, что перенесенную боль и унижение он сочтет как бы платой за возможность впредь и не пытаться с задачей справиться. И возможно, будет даже предпочитать быть снова и снова наказанным — только бы уклониться от решения трудных задач.

Словом, репрессивное воспитание отнюдь не моделирует конструктивные способы проявления чувств и разрешения конфликтов. Зато приучает детей к неприемлемым моделям уже взрослого поведения, то есть, так сказать, воспроизводит само себя. Кардинальный вопрос «как мы можем ему помочь?» подменяется другим — «как я могу его наказать?» А боль и страх, порождаемые наказанием, часто мешают ребенку понять свое собственное поведение и лишают его желания измениться к лучшему.

Мало двигаемся? Плохо живем!

Игорь Брязгунов,
доктор медицинских наук

*«Ничто так не истощает
и не разрушает человека,
как продолжительное
физическое бездействие».*
Аристотель

Здоровье не купишь ни за какие деньги. Лучше предохраниться от болезни, чем лечить ее. К сожалению, эти истины мы постигаем отнюдь не в детстве, отнюдь не в том возрасте, когда закладывается основа здоровья на всю жизнь.

В международной профилактической программе, которая изучает, какие заболевания взрослых начинаются еще в детском возрасте, большое внимание уделяется физической культуре.

В настоящее время у врачей уже не вызывает сомнения то, что между физическим воспитанием, объемом суточной двигательной активности и здоровьем детей и взрослых существует взаимосвязь.

При этом следует отметить, что биологическую потребность в движениях испытывает как растущий организм, так и уже сформированный.

Недостаток двигательной активности оказывает прямое и косвенное влияние на развитие сердечно-сосудистой, дыхательной систем, на деятельность желез внутренней секреции, на сопротивляемость организма к воздействию вредных факторов окружающей среды.

Школьники со сниженной двигательной активностью болеют в два раза чаще, чем их сверстники с нормальной двигательной активностью. Почти у трети наших школьников выявлены расстройства нервной и сердечно-сосудистой систем — и не последнюю роль в этом играет малоподвижный образ жизни.

Красноречивые сведения приводят американские ученые: около 250 000 человек в США умирает

каждый год из-за недостаточной физической активности!

Тенденция к гиподинамии отмечается во многих развитых странах, в том числе и в нашей стране, несмотря на то, что велосипедов и всевозможного спортивного инвентаря населению продается все больше. Основная масса людей придерживается малоподвижного образа жизни.

При недостаточной двигательной активности в организме человека наблюдаются глубокие физиологические изменения.

Недостаток физической активности ведет к развитию ожирения и связанных с ним болезней.

Недостаток физической активности сочетается с повышенным риском коронарной болезни сердца.

Недостаток физической активности может привести к гипертонической болезни.

Недостаток физической активности может сочетаться с повышенным риском сахарного диабета.

Недостаток физической активности ведет к развитию остеопороза.

Напротив, физическая активность служит профилактикой ожирения, коронарной болезни сердца, гипертонической болезни, сахарного диабета, мышечно-скелетных нарушений, стресса и депрессии и, может быть, предупреждает респираторные заболевания.

Раньше в рекомендациях, как сохранить здоровье, делали акцент на тренировки с большими нагрузками. Сейчас ученые считают, что для того чтобы сохранить хорошее здоровье, требуется не так уж много усилий. Пользу от спортивных занятий можно получить даже тогда, когда они не проводятся в форме длительных тренировок.

Малые физические нагрузки дают возможность приспособиться к неблагоприятным факторам.

Возникает вопрос: как нагрузки высчитывать и дозировать? Один из способов подсчета нагрузок — по их энергетической стоимости — мы приводим в соседней колонке.

До сих пор неизвестно, какой оптимальный уровень физической активности требуется в различные возрастные периоды.

Большинство ученых считает, что детям 7—12 лет необходимо от 3 до 4 часов свободной двигательной активности ежедневно или, по крайней мере, 30 минут физической нагрузки с частотой пульса

Оценка разных видов физической деятельности в килокалориях в минуту представлена в таблице, разработанной американскими учеными.

Ходьба прогулочным шагом	4
Ходьба на работу	4
Тренировочный поход	7
Поход с грузом	8
Скалолазание	10
Прогулка на велосипеде	8
Танцы	6
Домашняя работа	5
Бег трусцой	8
Бег со скоростью 10 км/час	14
Занятия штангой	6
Занятия водными лыжами	6
Занятия парусным спортом	4
Гребля на каное	4
Плавание в бассейне	8
Плавание в реке	6
Горные лыжи	9
Беговые лыжи	12
Катание на коньках	7
Волейбол	4
Настольный теннис	4
Теннис одиночный	7
Теннис парный	6
Бейсбол	5
Бадминтон	5
Баскетбол (неигровой)	7
Баскетбол (игровой)	9
Гандбол	10
Футбол	10
Внутренняя окраска дома	4
Внешняя окраска дома	5
Спуск и подъем по лестнице	5
Работа в саду	8
Вскапывание огорода	6
Уборка снега	7
Ловля рыбы с берега	3
Охота	4
Работа с граблями	5
Плотницкие работы вне дома	4
Хоккей	8
Езда на лошади	6
Каратэ	5
Мытье машины	5
Ношение дров	8
Плотницкие работы внутри дома	3
Ремонт машины	4
Плавание на лодке	3
Игра с детьми	5
Рубка леса	8
Строительство дома	5

Пользуясь таблицей, каждый может подсчитать, какое количество килокалорий он потратил за день и за неделю. Если недельная цифра приближается к 3500 ккал, у вас — оптимальный уровень двигательной активности.

150 ударов в минуту. Для подростков необходимо полтора часа свободной двигательной активности или 45 минут физической нагрузки с частотой пульса 150 ударов в минуту.

Детям до 12 лет можно предложить различные спортивные игры продолжительностью до 45 минут. Для детей старше 12 лет спортивная активность может включать бег, плавание, футбол, гандбол, теннис, волейбол. Продолжительность занятий — полтора часа.

Взрослым рекомендуется 3—5 занятий в неделю, если это возможно.

Какая программа желательна

Существуют различные программы физической активности:

1. Тренировки для выработки максимальной выносливости — два раза в неделю по 30 минут или три раза в неделю по 20 минут.

2. Тренировки для выработки умеренной выносливости — ежедневно 6 минут интенсивных упражнений

с добавлением два раза в неделю тренировок на выносливость по 20—30 минут.

3. Тренировки оптимальной выносливости — 6 минут ежедневных интенсивных упражнений и два раза в неделю тренировки на выносливость в течение 20—30 минут. Плюс длительные занятия в конце недели.

Идеальная программа физической активности должна включать минимум три занятия в неделю и состоять из следующих этапов:

1. 5—10 минут упражнений разогревающего характера (на гибкость), что предотвращает мышечные травмы.

2. 20—60 минут аэробных занятий. Наиболее благоприятен бег на длинные дистанции, который сопровождается повышением артериального давления и образованием молочной кислоты. Можно использовать велосипед, лыжи, равнинные, плавание. В последние годы модно вместо бега заниматься ходьбой (со скоростью 5 км в час) по 30 минут пять раз в неделю.

3. Поднятие тяжестей (развитие мышечной силы и выносливости).

4. 5—10 минут упражнений успокаивающего характера (на гибкость).

Если нет возможности бегать трусцой, плавать, играть в футбол, поднимать тяжести, рекомендуется хотя бы не пользоваться лифтами и эскалаторами, а подниматься по лестницам пешком.

Заниматься физкультурой желательно не раньше, чем через два часа после основной еды. Даже быстрая ходьба рекомендуется не раньше, чем через час после еды. После нагрузки хорошо принять ванну или теплый душ, но не холодный и не горячий.

В некоторых случаях после прекращения тренировок человек чувствует себя «не в своей тарелке». Речь идет о так называемых «зависимых» бегунах. Термин «зависимый от нагрузки» предложен врачами, чтобы описать состояние дискомфорта, которое возникает, когда человек прекращает заниматься физкультурой. Но это бывает не часто. Мы считаем, что такую зависимость



от двигательной нагрузки следует только приветствовать.

Все знают о пользе физической культуры, но далеко не все регулярно ею занимаются. Почему? Как заинтересовать человека физической активностью?

Можно привести роль печатного слова, которое побуждает постоянно заниматься физической культурой. Когда-то спортивная газета по пятницам посвящала целую страницу бегу трусцой, публиковала письма читателей, где они рассказывали, как излечивались от различных заболеваний после беговых тренировок... В субботние и воскресные дни множество людей бежали в лесопарк, но к середине недели «ручеек» бегающих начинал иссякать. И так до следующей пятницы, когда он снова подхлестывался газетным выступлением.

Приучать ребенка к физической культуре следует с раннего детства. Психологи считают, что наиболее податливы для привлечения к занятиям физической культурой дети до десяти лет. Поэтому именно в этом возрасте надо закладывать положительное отношение к двигательной активности.

Для детей пример родителей во многом является решающим. Родители, занимающиеся физической культурой, — объект для подражания.

А к тому же заниматься физкультурой так приятно!

Продолжаем рассказ о тревожных признаках нездоровья ребенка, начатой в прошлом номере

СИМПТОМЫ Опасных Состояний

*Л. Хахалин,
доктор медицинских наук*

Обильное кровотечение

Определить наличие внутреннего кровотечения может только подготовленный человек, тем не менее нарастающая бледность кожных покровов, выступающий на коже холодный пот, головокружение, учащение пульса и дыхания должны навести вас на мысль об этом опасном состоянии.

Наружное кровотечение особенно

опасно, если имеет своим источником повреждение артериального сосуда (кровь из поврежденного места бьет струей или толчками! При венозном кровотечении кровь темно-красного цвета и течет медленно). Капиллярное кровотечение, которым всегда сопровождаются поверхностные ранения, остановить значительно легче (при нормальной свертываемости крови эти кровотечения нередко прекращаются сами).

Чаще всего у детей бывают капиллярно-венозные кровотечения из мягких тканей и носа в результате травм.

*Начать пытаться остановить такое носовое кровотечение можно простым прижатием мягких тканей носа к носовой перегородке в течение 2—3 минут. Можно усилить эффект этого способа, введя в носовые ходы марлевые жгуты или ватные тампоны, обильно смоченные 2—3 % раствором перекиси водорода. Обычная ошибка — откидывать голову ребенка назад, в то время как правильное положение для скорейшей остановки носового кровотечения — **НАКЛОНИТЬ ГОЛОВУ ВПЕРЕД!***

При кровотечении из пораненных сосудов конечностей необходимо сделать следующее:

Обнажить место кровотечения. Раздеть ребенка!

Если рана загрязнена, очень осторожно смойте грязь вокруг нее, но ВОДА НЕ ДОЛЖНА ПОПАСТЬ В САМУ РАНУ!

Пережать кровеносные сосуды выше места ранения на 3—5 см.

Наложите на конечность в два-три оборота жгут (поясной ремень, веревку, гибкий провод и т. п.), подложив под него мягкую ткань, и затяните жгут.

Придать телу ребенка удобное положение: положите ребенка на спину.

Приподнять раненую конечность. Найдите способ зафиксировать ее в этом положении.

Положить на место ранения поверх затянутого жгута холодный компресс или пузырь со льдом.

Согрейте ребенка (при кровотечениях дети быстро начинают мерзнуть).

Затянутый жгут надо распускать на 10 минут каждые полтора часа, чтобы не произошло омертвление тканей.

Ожоги

Чаще всего дети получают термические ожоги, хватаясь за горячие утюги, плиты, засовывая пальцы в тарелки с горячей пищей или опро-

кидывая на себя кастрюли. По степени тяжести ожоги делятся на четыре категории, но для прогноза исхода этого несчастья имеет большое значение и степень ожога и площадь поражения. Поэтому:

ЕСЛИ ПЛОЩАДЬ ОЖОГА БОЛЬШЕ ПЛОЩАДИ ЛАДОННОЙ ПОВЕРХНОСТИ РЕБЕНКА или НЕЗАВИСИМО ОТ ПЛОЩАДИ ОЖОГА ЕГО ПОВЕРХНОСТЬ ПОКРЫТА ПУЗЫРЬМИ — ПОКАЖИТЕ РЕБЕНКА ВРАЧУ!

Любой ожог вызывает сильную боль.

Снять боль можно быстрым и энергичным охлаждением пораженного участка тела струей воды или погружением обожженной части в прохладную воду на 20—30 минут (но никак не меньше 10 минут!).

При термических ожогах языка надо поить ребенка холодной водой маленькими глоточками через 1—2 минуты или дать сосать кусочки льда.

Однако, чтобы избежать глубокого поражения кожи, образования пузырей и других осложнений поверхностного ожога, обожженную часть тела надо поместить в **ТЕПЛУЮ ВОДУ**. При этом болевые ощущения не только не уменьшатся, но даже могут усилиться. (Советую делать это только достаточно разумным и терпеливым детям.)

НЕ НАДО СМАЗЫВАТЬ ОЖОГОВУЮ ПОВЕРХНОСТЬ ЖИРОВЫМИ И ЖИРОСОДЕРЖАЩИМИ ПРЕПАРАТАМИ!

НАЛОЖИТЕ НА ОБОЖЖЕННУЮ ЧАСТЬ ТЕЛА МЯГКУЮ РЫХЛУЮ ПОВЯЗКУ С ВОДКОЙ, РОЗОВЫМ РАСТВОРОМ «МАРГАНЦОВКИ», «СОДОВОЙ ВОДОЙ».

НЕ ВСКРЫВАЙТЕ ОБРАЗОВАВШИЕСЯ ПУЗЫРИ!

Химические ожоги у детей, к несчастью, чаще приходится на пищевод из-за проглатывания ребенком искусственной эссенции, кислот и щелочей. Первая доврачебная помощь в этих случаях в реальных условиях исчерпывается тем, что ребенка надо правильно освободить от химического вещества и пострадавшей одежды, смыть остатки вещества струей воды и как можно быстрее доставить в такую больницу, в которой есть хирургическое отделение. **ИСКЛЮЧЕНИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ СЛУЧАЙ ОЖОГА СЕРНОЙ КИСЛОТОЙ, СМЫВАТЬ КОТОРУЮ ВОДОЙ НЕЛЬЗЯ!**

Ожоги кислотами можно погасить либо крепким раствором пищевой соды, либо густым раствором любого сорта мыла.



Тепловой или солнечный удар

У детей до семи лет голова остается очень чувствительным к температуре окружающей среды местом, поэтому традиция предписывает покрывать ее платком или шапочкой. Дети легко перегреваются и получают тепловые удары даже при пасмурной, но жаркой погоде. Прямые солнечные лучи могут вызвать у ребенка солнечный удар.

Симптомы перегрева ребенка очень напоминают признаки начала воспалительного заболевания — он становится вялым, жалуется на головную боль, у него повышается температура тела. У маленьких или «реактивных» детей признаками перегрева могут быть только внезапный подъем температуры тела и психомоторное возбуждение.

В любом случае, если у вас появилось подозрение на тепловой или солнечный удар, перенесите ребенка в прохладное затененное помещение, разденьте и прибегните к методам безлекарственного снижения температуры тела: помогут обдувания (хорошо, если есть вентилятор), поток воздуха — на тело, но не на голову; обтирания — прохладной водой; охлаждение — при помощи влажной ткани, пузырей со льдом, помещенных на крупные сосуды — в области паховых ямок, локтевых сгибов, теменной части черепа (через каждые полчаса лед на 10 минут снимать.).

Переломы

Для детей до 12 лет типичны поднадкостничные закрытые переломы, которые часто мало нарушают внешний вид конечностей. **ИМЕЙТЕ ЭТО В ВИДУ И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ «ВПРАВИТЬ ВЫВИХ» ИЛИ «ПОМАССИРОВАТЬ УШИБ», ПОТОМУ ЧТО ПРИ ЭТИХ МАНИПУЛЯЦИЯХ МОЖНО ДОПОЛНИТЕЛЬНО ПОВРЕДИТЬ СОСУДЫ, НЕРВЫ И МЫШЦЫ.**

Даже только при подозрении на перелом конечности следует:

Зафиксировать повреждение части при помощи любых подручных средств (досок, палок, хвороста, плотного картона и пр.) или тугим прибинтовыванием поврежденной конечности к туловищу (при повреждении рук) или здоровой ноге (при повреждении ноги).

Фиксацию поврежденных конечностей проводить так, чтобы были обездвижены суставы, расположенные выше и ниже места перелома.

Повреждения черепа являются самыми грозными видами травм, тем более что никогда дополнительно не избежно наболколько серьезно повреждение мозга пая целостности мягких тканей.

Только в исключительных случаях следует самостоятельно доставлять ребенка в больницу. Во всех других случаях необходимо вызвать врача к ребенку, толково объяснив ситуацию и состояние пострадавшего.

Переломы позвоночника редко встречаются у детей, так как гибкость позвоночного столба обеспечивает его большую механическую прочность. Однако контузии и переломы отростков позвонков, представляющие собой серьезное повреждение с возможными отдаленными последствиями, — нередкий результат падений детей с высоты, с велосипеда и в воду.

При подозрении на травму позвоночника ребенка ни в коем случае нельзя усаживать или поднимать на ноги, а следует осторожно уложить **НА ЖИВОТ** на твердую и ровную поверхность (снятую дверь, часть забора, деревянный щит и пр.) и доставлять в больницу.

Вывихи, растяжения и ушибы

Как это ни печально и удивительно, но каждая пятая такая травма у детей случается в родном доме, а еще пять процентов — на лестничной клетке. Дети и на ровном мес-

те-то спотыкаются и поскользываются...

Что только не может представлять угрозу для малыша?!..

Прихожая: порожек, входная дверь, вешалка, зеркало...

Кухня: скользкий после мытья линолеум, открытый люк домашнего погреба, бочка с водой, шаткая лестница на антресоли...

Жилая комната: незакрепленные концы паласов, ковров, половых дорожек, открытые окна, болтающиеся электрические шнуры...

Ванная: мокрый пол, скользкая эмаль, резиновый коврик...

Если речь идет о вывихе в любом суставе — **ПОКАЖИТЕ РЕБЕНКА ВРАЧУ!** — потому что неправильно леченный или нелеченный вывих может стать привычным вывихом из-за перерастяжения связок.

На месте суставных вывихов всегда возникает острая боль при движениях и часто возникает отек («опухоль»).

Наиболее часто у маленьких детей случается вывих лучевой кости в локтевом или лучезапястном суставе, когда малыш виснет и раскачивается на ваших руках или вы резко дергаете ребенка за вытянутую ручку.

Зафиксируйте конечность повязкой и доставьте ребенка в травматологический пункт или в больницу.

При вывихах в крупных суставах (локтевом, плечевом, коленном, ключичном) нельзя ждать вправления больше двух часов!

Растяжения связок гораздо реже встречаются у маленьких детей, чем у школьников. Симптомами растяжения всегда одни и те же — боль в суставе при движениях, отек сустава. Отличие растяжения связок сустава от вывиха в том, что при растяжении связок движения возможны.

Наложите холодный компресс на отек и, если вы убеждены, что не ошиблись в диагнозе, подождите сутки. Если отек продолжает держаться — покажите ребенка хирургу.

Ушибы у детей часто остаются вне поля нашего зрения, мы узнаем о них, только увидев кровоподтек. Часто и что-либо делать уже не надо. Но если ребенок жалуется на ушиб, ощупайте поврежденное место.

Если на месте ушиба образовалась полость с жидким содержимым (это разлившаяся из лопнувшего сосуда кровь), наблюдайте за этой гематомой в течение недели. ГЕМАТОМЫ МОГУТ НАГНАИВАТЬСЯ!

О пособии на ребёнка

*На вопросы отвечает Лидия Олейник,
юрист, начальник сектора Минсоцзащиты*

После публикации консультации о порядке назначения и выплаты социального пособия семьям, имеющим детей, в редакцию стали поступать письма читателей, в которых они просят ответить на ряд конкретных вопросов или прокомментировать ту или иную жизненную ситуацию. Мы продолжаем отвечать на эти вопросы.

Может ли быть назначено пособие на ребенка в повышенном размере, если отец ребенка не выплачивает алименты, так как находится в местах лишения свободы?

Само по себе нахождение лиц в местах лишения свободы, где они отбывают наказание за совершенные преступления, еще не является основанием для неуплаты алиментов. Исполнительный лист о взыскании алиментов на содержание детей должен быть направлен администрации исправительно-трудового учреждения для исполнения.

И только в том случае, если отбывающий наказание не имеет заработка вообще или заработка, достаточного для взыскания алиментов в установленном законом минимальном размере, алименты не выплачиваются.

В связи с этим на ребенка назначается ежемесячное пособие в повышенном размере.

Какие документы необходимо представить в органы социальной защиты в этом случае?

Мы уже говорили о том, какие документы необходимы для назначения единого ежемесячного пособия. А в рассматриваемом случае дополнительно необходимо представить справку, выданную администрацией учреждения по месту отбытия наказания неплательщика алиментов, об отсутствии у него заработка.

Что делать если неизвестно место нахождения лица, осужденного к лишению свободы? Ведь в этом случае нельзя получить и необходимую справку.

Если судебные органы, осудившие данное лицо, не могут сообщить о месте отбытия им наказания, то точные сведения вы могли бы получить в Главном управлении исполнения наказания МВД Российской Федерации.

Назначается ли единое ежемесячное пособие на ребенка 14 лет, если родители пенсионеры и один из них получает надбавку на ребенка как на нетрудоспособного иждивенца?

Единое ежемесячное пособие на детей в возрасте до 16 лет (а учащимся общеобразовательных учреждений — до окончания ими учебного заведения) выплачивается независимо от получения на детей пенсий, пособий, надбавок к пенсии родителей. В этом случае, когда оба родителя являются пенсионерами и не работают, единое ежемесячное пособие на их ребенка должно выплачиваться органами социальной защиты населения по месту их жительства и получения пенсии.

Имеют ли право на получение единого ежемесячного пособия на детей граждане иностранного государства или лица без гражданства?

Да, конечно. Постоянно проживающие на территории Российской Федерации граждане других государств или лица, не имеющие гражданства, пользуются теми же правами, что и граждане России. Как видим, определяющим моментом для получения единого ежемесячного пособия на ребенка является факт постоянного проживания граждан, в том числе и Российской Федерации, на территории страны. Например, имея Российское гражданство, женщина с ребенком постоянно проживает в Париже (Лондоне, Вене, Мадриде, Брюсселе...) — в этом случае россиянка не будет получать пособие на ребенка от нашего государства.

Верно ли, что гражданам, выезжающим на постоянное место жительства за границу, пособие на ребенка, назначенное в России, выплачивается за три месяца вперед?

Тут ответ один: такого положения,

закрепленного каким-либо нормативным актом, нет. Это тот самый случай, когда желаемое выдается за действительное.

Имеют ли право на получение пособия на детей лица, занимающиеся фермерством?

Безусловно. Единое ежемесячное пособие на детей фермеров назначается и выплачивается в органах социальной защиты населения по месту жительства. Однако в том случае, если фермер имеет собственное предприятие и применяет наемный труд, выплата единого ежемесячного пособия на детей работающих наемных работников, в том числе и фермеров, осуществляется по месту их работы.

С какого времени назначается выплата пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет?

Пособие по уходу за ребенком в этом случае выплачивается со дня предоставления отпуска по уходу за ребенком (то есть после окончания отпуска по беременности и родам) вплоть до дня, когда ребенку исполнится полтора года. Основанием для выплаты пособия служит разрешение на отпуск со стороны администрации, и пособие по уходу за ребенком выплачивается одновременно с выплатой единого ежемесячного пособия на каждого ребенка.

Выплачивается ли пособие по уходу за ребенком до полутора лет, если женщина, находящаяся в отпуске, работает на условиях неполного рабочего времени или на дому?

Да, выплачивается. Женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, имеет право работать на условиях неполного рабочего времени или на дому, как ей позволяют ее домашние условия. При этом она получает в полном размере (100 процентов минимальной заработной платы) пособие по уходу за ребенком.

вам понравится

Сумка

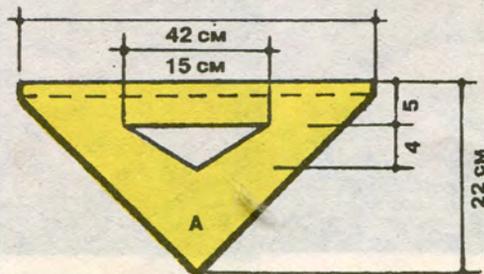
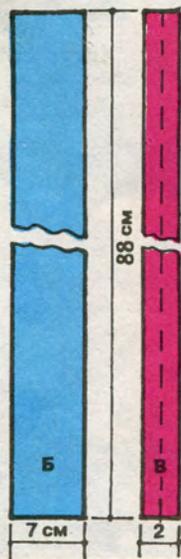
Как вы отнесетесь к нашему предложению шить такую сумку? Мы даем чертеж-выкройку, но следовать ему совсем не обязательно. Размеры сумки могут быть произвольными, в зависимости от имеющегося у вас материала. Если будете шить длинные полосы, то потом, свернув шитое полотно вдвое, застрочите по бокам. Если полосы короткие, шов придется делать внизу и сбоку.

Материал можно использовать любой: искусственную кожу, дермантин, клеенку, толстую полиэтиленовую пленку, плотный материал.

Если материал толстый, то полоски Б настрачиваются на полоски В. Если же сумку будете шить из ткани, то от деталей В можно отказаться и полоски Б сострачивать одну с другой.

В сумке из ткани вырез для руки можно обработать кусочком ткани как петлю на верхней одежде, а если материал плотный — то придется обстрочить его в край. Вверху делается подгиб и прострачивается, чтобы в отверстие всунуть деревянную или металлическую палочку.

Для прочности сумку можно сделать на подкладке.



Живопись ИГОЛКОЙ

Для тех, кто вышил бабочек, которых мы дали в № 4 журнала, сделать такие картины не представляет особого труда. Правда, ниток понадобится больше: не только в смысле количества, но и по цвету и оттенкам.

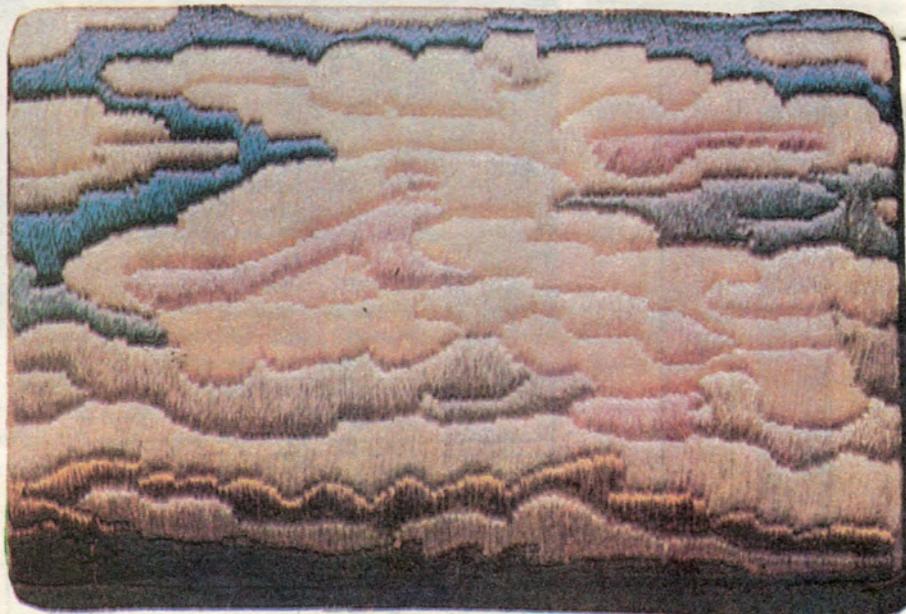
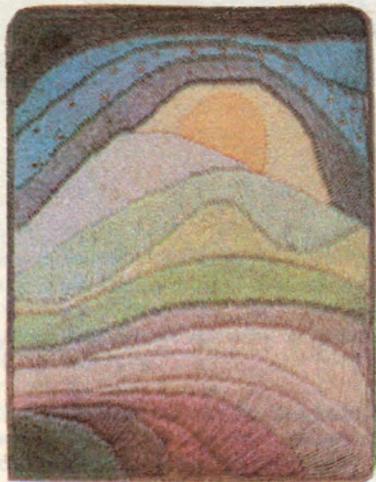
Тем, кто только начинает вышивать гладью, не советуем сразу приступать к большой картине, лучше сделать ту, что попроще.

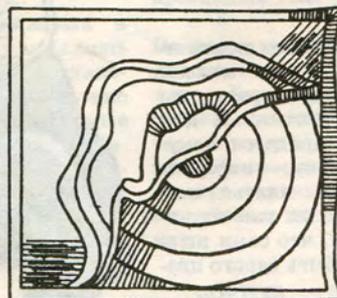
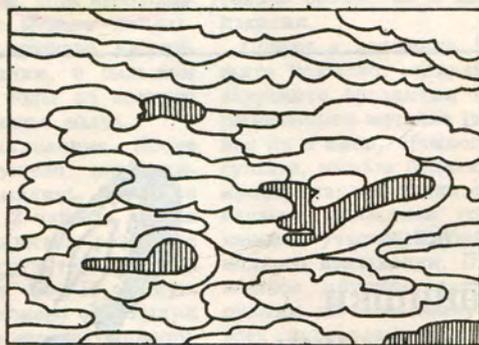
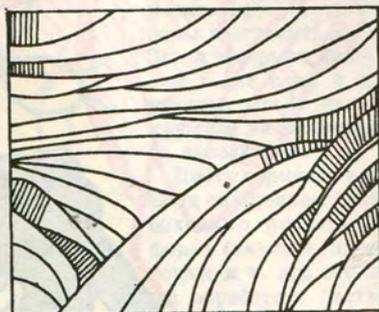
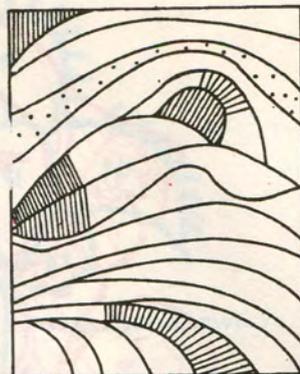
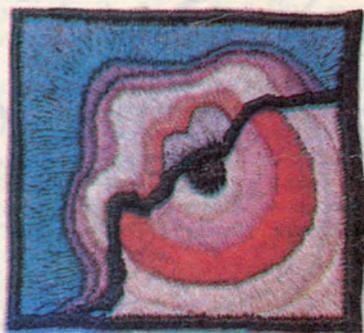
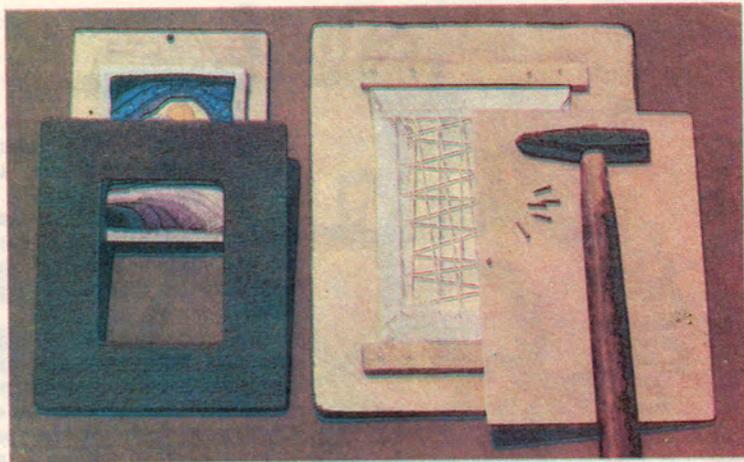
Для готовой картины нужна рамка. Если нет никакой подходящей, ее можно сделать из фанеры или деревянных реек, хорошо отшлифовать и покрыть лаком.

Можно использовать для рамки толстый картон или оргалит, но их надо будет обтянуть подходящей к картине по цвету и фактуре тканью.

При выкраивании нужно будет сделать со всех сторон припуски в 0,5—0,7 см, чтобы ткань можно было хорошо обтянуть рамку и приклеить с внутренней стороны. При обработке углов при необходимости нужно сделать насечки.

Саму картину, естественно, тоже надо натянуть на фанерку или картон.





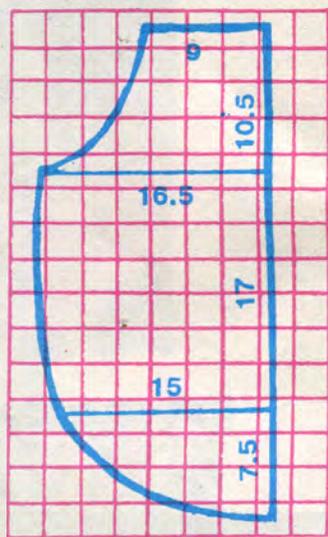
шьём

Хозяйюшке

По этой выкройке можно быстро шить фартучек для дочки.

Длину бретели и завязок определите при примерке. Оборка шириной 5 см и длиной 110 см кроится по прямой.

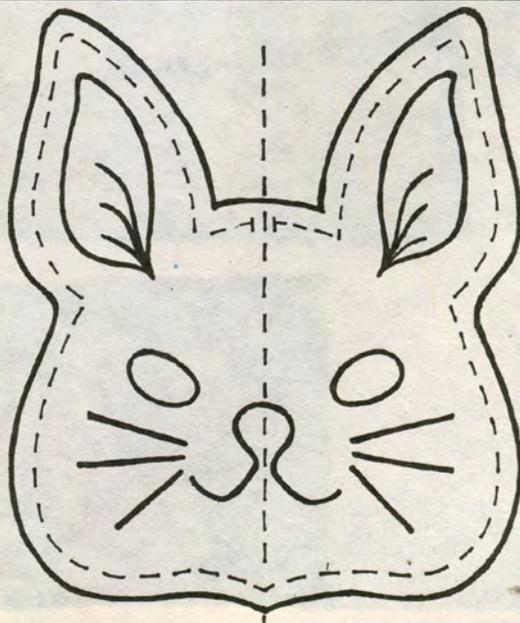
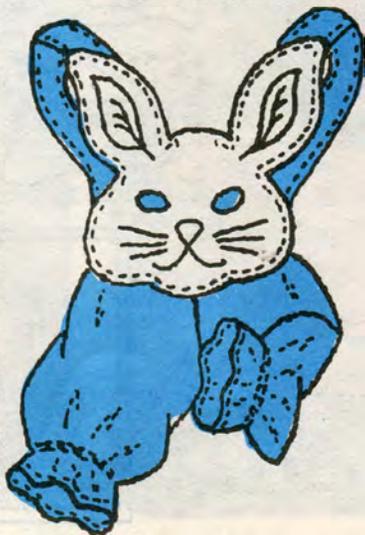
На детском фартуке будут уместны забавные аппликации. Может быть, захотите воспользоваться рисунками аппликаций, которые мы предлагаем сделать в первом номере за этот год?

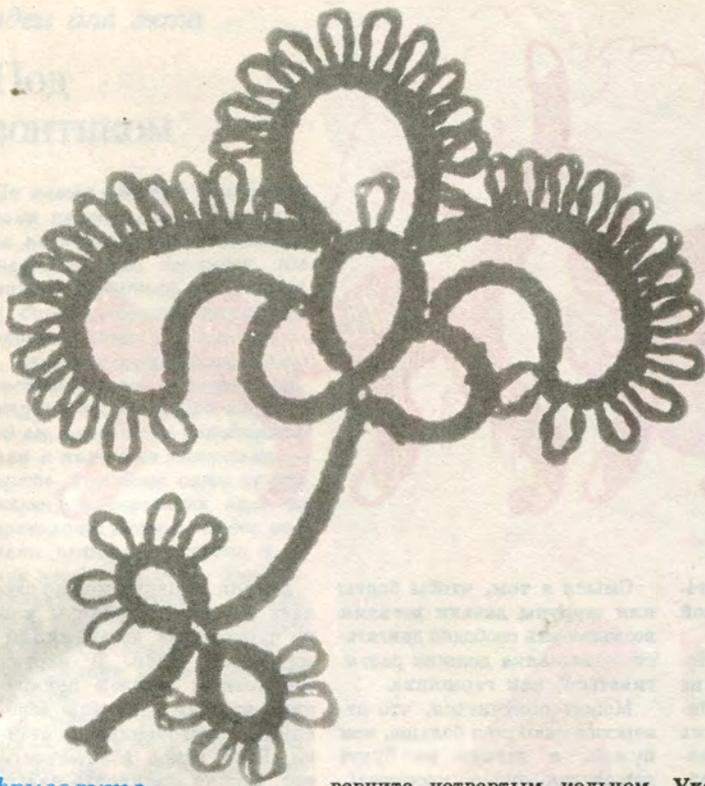


всё в дело

Штанишки для сынишки

Забавные и удобные штанишки, в которых ваш малыш будет гулять и играть, вы легко сошьёте сами. И для этого вам не придется покупать новую ткань — наверняка у вас есть платья или юбки, которые вы уже не носите. Заметим, что сами штанишки могут быть одного цвета, нагрудник — другого.





фриволите

Плетём на двух челноках

А плетем мы на двух челноках цветков.

Намотайте нитки на два челнока, лучше разных цветов (цвета А и цвета Б). Свяжите нити между собой ткацким узлом. Выполните первую половину дуги 1 (цвета А), состоящую из десяти узлов. Стяните дугу и, не переворачивая работу, сплетите кольцо на дуге из ее рабочей нити (цвета А) 2, 3 К(4—2—2—2—2—4). Переверните работу кольцом вниз и сплетите такое же кольцо под дугой из ее ведущей нити цвета Б. Переверните работу и продолжайте плести дуги 1—20 узлов. На схемах это обозначается так:

1 Д [10(2,3К 4—2—2—2—2—4) 20]. Не переворачивая работу, из рабочей нити дуги цвета А сплетите кольцо 4К (6—6—3—3—6—6). Первое, второе, четвертое и пятое пико на этом кольце должны быть не более 1 мм. Работу пере-

верните четвертым кольцом вниз и сплетите дугу цвета Б 5,11Д (16). Через первое пико четвертого кольца вытяните петлю снизу вверх из ведущей нити и проденьте в нее челнок с нитью цвета А, затяните нить — так производится сцепка конца дуги с пико. Перед такой сцепкой не забывайте стягивать дугу. Переверните работу четвертым кольцом вверх. Плетите дугу цвета А 6,10Д (16), стяните дугу. Переверните работу на 180 градусов на себя, кольцо 4 остается сверху. Плетите дугу цвета Б 7,9 Д (1—2—2—2—2—2—2—2—2—2—2—4), всего 14 пико. Сделайте сцепку конца дуги со 2-м пико 4-го кольца. Не переворачивая работу, сплетите дугу цвета Б 8 Д (4—2—2—2—2—2—2—2—2—2—2—4), всего 12 пико. Сделайте сцепку конца дуги с четвертым пико кольца 4. Вторая половина цветка плетется так же, как и первая, но сцепка конца дуги 10 производится ее рабочей нитью, а сцепка конца дуги 11 производится ее ведущей нитью в точке, указанной на схеме.

Уход за изделиями из фриволите

Стирка. Оберните кружево вокруг бутылки с водой и закрепите его белыми нитками. В глубокой емкости приготовьте раствор с порошком или отбеливателем и поставьте в нее бутылку с кружевом. Кипятите, пока кружево не будет чистым. При необходимости воду можно менять. Полоскайте кружево, не снимая с бутылки, в большом количестве воды до полного вымывания мыла.

Подкрахмаливание. После стирки кружево необходимо подкрахмалить. Заварите крахмал — 2 чайные ложки на стакан кипятка, разбавьте водой и погрузите в раствор кружево на 10—15 минут. Снимите кружево с бутылки и отожмите его, не перекручивая, через ткань.

Изделия из шелковых и цветных нитей крахмалить нельзя, так как они становятся белесыми. Их нужно желатинить. Две чайные ложки желатина залить стаканом теплой воды и оставить на ночь. Содержимое поставить на огонь и помешивать до полного растворения желатина. Полученным горя-

чим раствором кисточкой промазать кружево с одной стороны и оставить на 15 минут. Затем накрыть влажной марлей в два слоя и припарить утюгом, после этого сушить кружево на воздухе до полного высыхания.

Подсахаривание изделий. Если сплетенному изделию необходимо придать объемную форму (вазочки, цветочки, бабочки и т. д.), его необходимо обработать раствором сахара. Для этого надо растворить 5 столовых ложек сахара в половине стакана воды, раствор вскипятить, немного остудить, положить в него изделие и поддерживать 10—15 минут. Затем вынуть изделие из раствора и надеть его на предмет, форму которого нужно придать готовому изделию, и оставить так до полного высыхания, после чего осторожно снять. Таким же образом можно обрабатывать не только белые, но и цветные изделия.

Сушка и глажение. Разложите кружево, расправьте и закрепите булавками из нержавеющей металла (вкалывайте их в пико). Немного подсушите, выньте булавки, накройте марлей в два слоя и гладьте, прижимая утюг на каждом участке кружева до полного высыхания. Проглаженное кружево растяните руками во всю длину и во всех направлениях и затем прогладьте еще раз.

На этом заканчивается курс плетения кружева — фриволите. Вы познакомились с основными элементами плетения кружева и уходу за ним. Не огорчайтесь, если не все сразу получилось. Желаем удачи и творческих поисков.

М. Соловова



завяно

Вешалка- головаломка

Мы предлагаем сделать такую вешалку для детской комнаты или на даче.

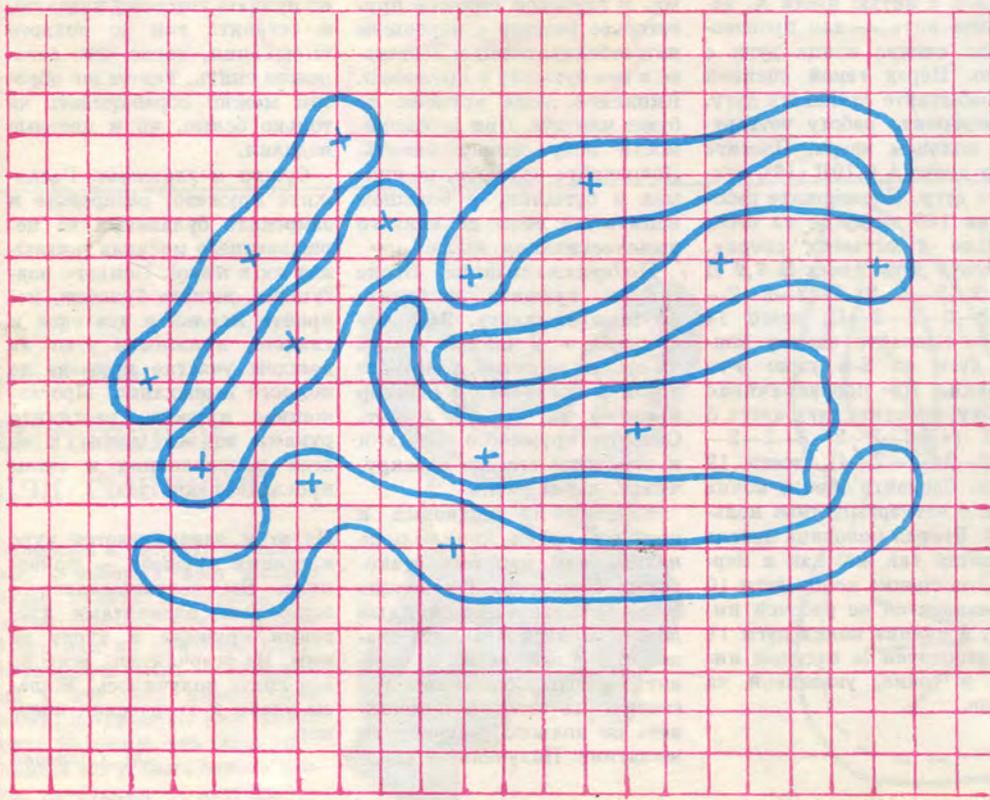
Почему головоломка? Потому что мы специально не даем описания, как ее собирать. На чертеже даны шесть деталей, на которых обозначены места их соединений. Отверстия для соединения шурупами, а лучше тонкими болтиками с гайками, нужно делать тонким сверлом.

Смысл в том, чтобы болты или шурупы давали деталям возможность свободно двигаться — вешалка должна растягиваться, как гармошка.

Может получиться, что отверстия окажутся больше, чем нужно, и детали не будут держаться, будут провисать. Тогда нужно будет использовать обычные металлические шайбочки или вырезать их из пластмассовых бутылок.

Детали вешалки можно сделать из толстой фанеры или из струганных десятимиллиметровых досок. В местах соединений деталей прикрепить крючки — лучше деревянные, выточенные на станке. Если такой возможности нет, можно приклеить пластмассовые. Если хотите, вешалку-кошечку можете покрасить масляной краской.

1 клетка = 2x2 см.



частные объявления

Высылаем гитары, струны, ноты (Цой, Бигла и др.). Заявки по адресу: 109280 Москва, а/я 5.

Вы хотите установить себе телефон? Мы поможем вам! Для вас — разветвитель телефонной линии на два абонента. Установите его у соседа, родственника, знакомого — и вы получите возможность пользоваться телефоном, не мешая хозяину линии. Независимый дозвон до каждого телефона, возможность подключения офисной техники, гарантийное обслуживание. Цена — 40 USD.

Охранная сигнализация! Проставка к телефону, позволяющая, позвонив по своему номеру, скрытно включить чувствительный микрофон и прослушать ваше помещение в течение нескольких минут. Цена — 40 USD.

Оплата при получении на почте в рублях по курсу ММВБ.

220141 Минск, а/я 54. "Тид". Тел. (0172) 71-29-37.

Под ЗОНТИКОМ

На новых садовых участках, пока не вырастут деревья и не построят дом с навесом, террасой или верандой, где можно укрыться от солнца и дождя, можно соорудить простой навес — зонтик.

Вкопать в землю металлическую трубу, а сверху, отступив от верхушки на 10—20 см, закрепить (приварить или с помощью хомута — пусть жужжины сами придумают) прикрепить круг из проволоки. Вокруг трубы вкопать четыре столбика и на них прибить четыре доски — получится каркас стола. Если есть крышка от старого стола — хорошо, а нет — столешницу можно сделать из реек.

А теперь самое интересное — наломайте стеблей камыша или тростника, свяжите их пучками и покройте «крышу». Основания пучков привязывайте к верхушке трубы под наклоном. Если стебли будут не очень длинные (скажем, солома) — от проволоки к верхушке натяните веревки и пучки укладывайте на них, закрепляя на веревках. Начинать нужно с нижнего ряда. Пучки каждого следующего ряда должны перекрывать предыдущий.



пригодится

Уксус- ПОМОЩНИК

Уксус уничтожает все запахи кухни. Достаточно налить немного уксуса на сковороду, поставить на огонь и держать до тех пор, пока уксус не испарится.

Чтобы избавиться от неприятного запаха при приготовлении капусты (кочанной и цветной), накройте кастрюлю, в которой она варится, марлей, смоченной в уксусе, а сверху — крышкой.

Посуду, в которой был лук, рыба, селедка, протрите уксусом — и запах исчезнет.

Если при варке лопнуло яйцо, сразу же влейте в воду немного уксуса — яйцо не вытечет.

От запаха затхлости в чемоданах можно избавиться тоже с помощью уксуса. Протрите весь чемодан, снаружи и изнутри, тряпочкой, смоченной в уксусе.

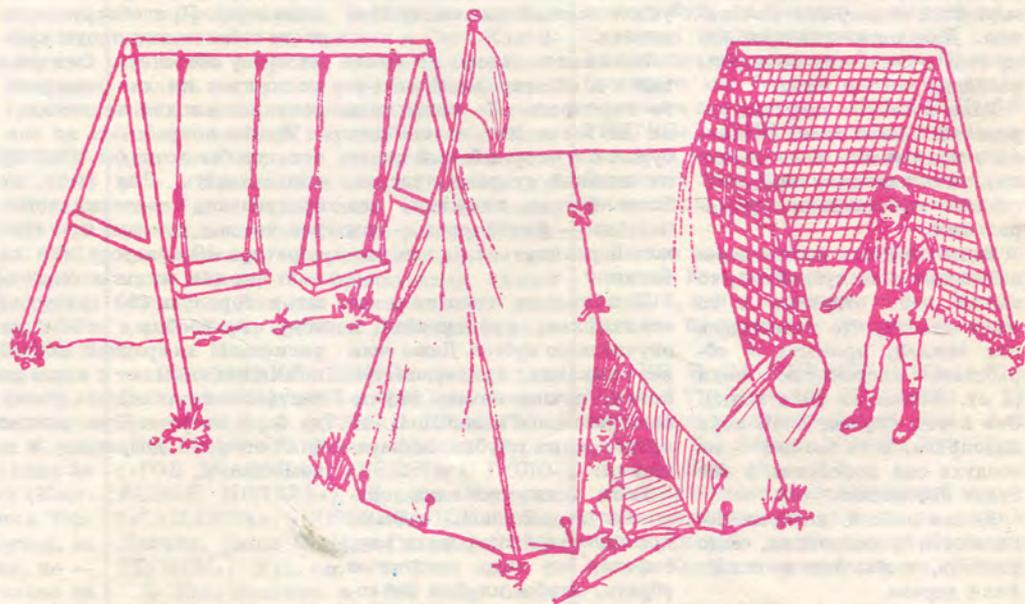
Если в кухонных шкафах завелись жучки, протрите полки и стенки уксусом и затем проветрите шкаф. После этого в него можно класть продукты.

Превратим В ВИГВАМ качели

Таковыми качелями никого не удивишь. Стандартные стойки из металлических труб, перекладина — и качайся, пока не надоест.

А когда надоест?

Можно превратить все это сооружение в футбольные ворота, индейский вигвам... А почему бы нет? Для разнообразия.



В заботах об урожае

Возможно, у вас пока еще ничего не выросло в огороде, только редис да зеленные овощи набрали силу. Про начало лета раньше говорили: «В доме пусто, да на поле густо».

Так что надо жить надеждой на новый урожай. А пока продолжать ухаживать за садом и огородом.

Особенно большое значение в начале лета имеет полив. Поливать растения надо обильно, особенно в засушливую погоду. Не часто, а именно обильно, хорошо промачивая тот слой почвы, где находятся активные корни: на 50 см под деревьями и на 40 см под кустарниками.

После полива почву надо порыхлить, чтобы не было корки.

Деревья отцвели, начинают завязываться плоды, и теперь их надо подкормить. Делать это надо после дождя или хорошего полива. Для подкормки можно взять навозную жижу (1 л на 10 л воды), птичий помет (0,5 кг на 10 л воды), нитрофоску (1 ст. ложка на 10 л воды), мочевины (40 г на 10 л воды).

Кроме обычных подкормок, дереву будут полезны и внекорневые подкормки мочевиной. Для опрыскивания одну столовую ложку мочевины разводят в 10 л воды.

Если в вашем саду под деревьями растет трава (имеется в виду газон, а не сорняки), то ее надо регулярно скашивать и оставлять под деревьями.

Если корневая шейка дерева окажется заглубленной, то землю надо отгрести и то место ствола, что находилось под землей, промыть и обработать хлорокисью меди (2 ст. ложки на 10 л воды). Это в том случае, если кора подопрела. Если же нет — на воздухе она подсохнет и все будет нормально.

Дикие побеги, которые появляются у основания, надо удалять, чтобы они не ослабили дерево.



Продолжайте ставить и регулярно осматривать ловчие пояса. Лучше их закреплять на 15—20 см от земли.

Смородина и крыжовник еще не созрели, но стали появляться деформированные, преждевременно буреющие ягоды. Их надо удалять и уничтожать. В них сидят вредители.

Занимаясь садом, не забывайте и об огороде. Осмотрите картофель. Не появились ли на ботве или на стеблях бурые пятна или белый налет на нижней стороне листьев. Если погода влажная, эта болезнь — фитофтороз — может перекинуться на все растения.

Как только заметили, не откладывая, приступайте к окучиванию кустов. Даже если нет никаких признаков болезни, лучше начать окучивать пораньше и повыше. Это предохранит клубни от заражения.

Если ботва все-таки окажется зараженной, осенью, прежде чем выкапывать картофель, ее надо полностью убрать, чтобы клубни не со-

прикасались с ней и болезнь не перешла на них.

На будущее знайте, чтобы предохранить картофель от фитофтороза, нужно перед посадкой клубни несколько раз опрыскать раствором марганцовки (10 г на 10 л воды).

Фитофторой заражаются и помидоры. При обнаружении этого заболевания плоды нужно сразу же снять. Они уже не годятся ни для консервирования, ни для хранения.

Можно попробовать их спасти, чтобы хотя бы в пищу использовать. Для этого их прогревают в течение четырех часов в духовке при температуре 40 градусов или на полторы-две минуты опускают в горячую (60 градусов) воду. А вообще, чтобы не рисковать, в средней полосе помидоры снимают с куста до наступления холодных рос — до 6—8 августа. Они вполне благополучно дозревают и в помещении.

Начинаем делать заготовки

Засолка зеленого лука. Зеленый лук промыть, дать стечь воде. Затем лук мелко нарезать, посыпать солью (на 1 кг лука — 50 г соли), перемешать, уложить в банки и утрамбовать до получения сока. После этого лук залить сверху растительным маслом и плотно закупорить. Держать в холодном месте. Такой лук сохраняется до свежего.

Засолка укропа. Нужно брать свежий молодой укроп (для этого его надо снять в конце июня). Отобрать веточки без стеблей, промыть, просушить, тонко нарезать, посолить (на 1 кг укропа — 30 г соли), размешать, плотно утрамбовать в банках и закрыть.

Сушка моркови, репы. Вымытые овощи очистить, нашинковать, рассыпать тонким слоем на полотне или фанере для просушки. Для удаления горечи из репы ее следует до сушки обварить кипятком, откинуть на сито и дать стечь воде. Во время просушки овощи надо несколько раз перемешать.

Просушенные овощи положить тонким слоем на листы и поставить в духовку или печь, где сушить при температуре 50—60 градусов. В начале сушки дверцы духовки надо приоткрыть минут на пять для выхода пара.

Сушат овощи 5—6 часов, несколько раз перемешивая их.

Сушка укропа, зелени петрушки и сельдерея. Укроп, зелень петрушки и сельдерея промыть, просушить, мелко нарезать, рассыпать на листе и поставить сушить в духовку при температуре 50 градусов на 15—20 минут. Первые 3—4 минуты дверцы духовки не закрывать. В продолжение сушки зелень надо часто перемешивать.

Ну просто необходимые вещи!

Речь пойдет о фильмах, появившихся на нашем видеорынке в 1994 году. Для примера несколько лент, незаурядных в художественном отношении или пользующихся повышенным спросом. И начнем мы с картины, давшей название статье.

«НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ» («NEEDFUL THINGS»). США, 1993 г., 121 мин. Реж.— Фрэйзер С. Хестон («КРОВАВЫЙ КРУЦИФЕР», «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»), в ролях: Эд Харрис («БЕЗДНА», «СОСТОЯНИЕ ИСПУПЛЕНИЯ»), Макс фон Сюдов («СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ», «БЫК»), Бонни Беделиа («КРЕПКИЙ ОРЕШЕК 1 и 2»), Дж. Т. Уолш («УЗКАЯ ГРАНЬ»). Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 4.

Городок Касл-Рок жил тихой, спокойной, размеренной провинциальной жизнью. Однажды в Касл-Роке поселился седовласый пожилой джентельмен Лилэнд Гонт (Сюдов), из тех, кого называют «благообразными». Он открыл лавку под названием «Необходимые вещи». Кто бы ни заходил туда — получал то, чего бы ему хотелось больше всего: мальчишка — фото со своим бейсбольным кумиром, пьяница — новую куртку, азартный игрок на скачках — игрушечную модель ипподрома, больная артритом — амулет, избавляющий от страданий. Но цена, которую платили «счастливицы», была поистине дьявольской. От мелких пакостей соседям до убийства... Очередная экранная «короля мистики» Стивена Кинга не разочаровывает ожиданий: впечатляющий размах съемок, превосходные спецэффекты, отличная игра актеров, особенно Макса фон Сюдова, наслаждающегося ролью «змея-искусителя». Очень удачная музыка Патрика Дойла, передающая состояние тревоги, напряжения.

«ИДЕАЛЬНЫЙ МИР» («SOVEREIGN WORLD»). США, 1993 г., 138 мин. Реж.— Клинт Иствуд («НОВИЧОК», «НЕПРОЩЕННЫЙ»). В ролях: Кевин Костнер («ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ», «ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ»), Клинт Иствуд («ГРЯЗНЫЙ ГАРРИ», «НА ЛИНИИ ОГНЯ»), Лора Дерн («ГОЛУБОЙ АРХАТ», «ДИКИЙ СЕРДЦЕМ»), Т. Дж. Лаутнер. Художественная оценка — 5 (из 6). Ком. оц.— 4,5 (из 5).

Двое заключенных бегут из тюрьмы и захватывают в заложники 8-летнего мальчика Филлипа. Вскоре один из них — Хэйнс по прозвищу Буч (Костнер) убивает другого — безумного Терри. Филлип остается вдвоем с Бучем, за которым уже отправилась погоня, но — странное дело: мальчишка не только не боится Хэйнса, а, напротив, — становится

как бы его сообщником, получив вдруг возможность запросто делать то, что ему всю жизнь запрещала делать мать — ревностная приверженка Свидетелей Иеговы, то, что делали другие дети. Может, это свобода?.. Фильм имел огромный успех в Америке, а прийдя к нам на видео, — и у нас. Будь у ленты другой режиссер и актеры, возможно, этого бы не случилось. Но как не восхищаться Клинтом Иствудом-режиссером, демонстрирующим мастерское владение искусством? Напряженный сюжет, отточенные диалоги, масса юмористических деталей, разбросанных по драматическому, даже трагическому сюжету...

«КАЖДОЕ УТРО МИРА» («Tous Les Matins Du Monde»). Франция, 1991 г., 110 мин. Реж.— Ален Корно («ПИСЬМО ПИТОН 357», «ВЫБОР ОРУЖИЯ»). В ролях: Жан-Пьер Мариэль («ОГРАБЛЕНИЕ», «УРАН»), Жерар Депардь («ВЫБОР ОРУЖИЯ», «СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК»), Анн Броше («СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК»), Гийом Депардь, Мишель Буке («ПОКУШЕНИЕ В ПАРИЖЕ», «ИГРУШКА»). Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 2.

Франция, вторая половина 17-го века. После смерти любимой жены знаменитый музыкант Сент-Коломб (Мариэль) отдался целиком музыке, передав свою страсть дочерям Мадлен и Туанетт. Однажды к нему пришел молодой Марэн Марэ, который стал его учеником, но не выдержал строгого морального кодекса учителя, поддался маньячку королевскому двору, бросил беременную Мадлен. Прошли годы, и Марэ, терзаемый муками совести, пришел к Сент-Коломбу, чтобы записать его творения. Запечатлеть на бумаге то, что Сент-Коломб считал непередаваемым чудом грусти. То, что сам Марэ выразит словами «Каждая нота должна заканчиваться умерев»... Красивый и печальный, как музыка для виолончели Сент-Коломба, фильм, поставленный по роману Паскаля Куиньяра, получил несколько премий «Сезар» — французский аналог «Оскара». Впервые вместе снялись отец и сын Жерар и Гийом Депардь (в роли Марэна Марэ).

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗГОЙ» («The Last Outlaw»). США, 1993 г., 100 мин. Реж.— Джефф Мерфи («ТИХАЯ ПЛАНЕТА», «ВЕГЛЕЦ»). В ролях: Микки Рурки («ГОД ДРАКОНА», «ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛЬ»), Дермот Малруни («САМАНТА», «ВОЗВРАТА НЕТ»), Тед Ливайн, Джон С. Мак Гинли («ПОБЕДИТЕЛИ»). Худ. оц.— 5. Ком. оц.— 4.

В Нью-Мексико в 1873 году банда преступников под руководством Граффа

(Рурки) ограбила провинциальный банк и прорывалась к границе с Мексикой, отбиваясь от погони. Существование между жизнью и смертью привело к столкновению жестокого Граффа и одного из членов банды — молодого Юстиса (Малруни), столкновению, которое превращалось из морального спора в чудовищную дуэль... Длинная начальная сцена, почти дословно цитирующая «ДИКУЮ БАНДУ» Сэма Пекинпа, да и сам сюжет — реверанс в сторону этого великого вестерна. Фильм в целом — замечательный пример реанимации вестерна как жанра, отдающий дань уважения его классическим образцам. Благодаря мастерству создателей — новозеландского режиссера Джеффа Мерфи, сценариста, ко-продюсера и помощника режиссера Эрика Реда («КОЭН И ТЭЙТ»), оператора Джека Конроя и, разумеется, актеров, — картина получается не только подражанием, но и мощным и цельным произведением.

«БЕЛАЯ СВАДЬБА» («Noce Blanche»). Франция, 1989 г., 93 мин. Реж.— Жан-Клод Бриссо. В ролях: Ванесса Парадиз, Бруно Кремер («ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ», «КОЛДУН»), Людмила Микаэл, Франсуа Негр («БАР-ЗАКУСОЧНАЯ «БУДАПЕШТ», «НОЧЬ И ДЕНЬ»). Худ. оц.— 4,5. Ком. оц.— 2,5.

Можно рассуждать о Бергсоне, Фрейд и Расине, можно наизусть знать теории о бессознательном, можно делать вид, что ты взрослый, умный, все понимающий. Но зависит ли от этого знания и понимания твоя судьба, собственное счастье?.. Франсуа Эйно преподавал философию в лицее. Матильда Тессье была ученицей лицея. Франсуа было за 40, он был женат, Матильда было 17, и она была не по годам развитая. Их страсть была обоюдно и глубокой, казалось, что эти двое, несмотря на разницу в возрасте и социальном статусе, нашли друг в друге родственную душу. Но проклятый социальный статус, будь он неладен, различит их... Грустная психологическая драма с великодушными ролями Бруно Кремера (которого мы больше знаем по ролям жестоких гангстеров — «ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ», «СПРУТ 4») и Ванессы Парадиз (она известна больше как певица). Режиссер Жан-Клод Бриссо получил за фильм одну из французских кинопремий.

Да что мы все о грустном да о трагическом? Есть кинематограф веселый и светлый, как праздники детства. Мультфильмы по-прежнему пользуются спросом.

«ЛИС И ОХОТНИЧИЙ ПЕС» («The Fox And The Hound»). США, 1981 г., 83 мин., мультяпликационный. Реж.: Арт Стивенс, Тед Берман, Ричард Рич. Худ. оц.— 5. Ком. оц.— 4,5.

Многие считают полнометражный мультфильм лучшим из снятых на студии «Уолт Дисней» после смерти Великого Уолта. Как бы там ни было, но «ЛИС И

(Окончание на 35-й странице)

Сказки о Барби

Людмила Петрушевская

Барби-волшебница

Так получилось, что Барби осталась одна.

Ее маленькая хозяйка выросла и уехала, игрушки, сложенные в ящик, перекочевали в чулан, потом в квартире появились новые жильцы и вынесли ящик на помойку.

И никто не знал, что Барби, лежащая на дне ящика, — волшебная.

Тут-то и появился старик, который ходил по помойкам в поисках старых вещей.

Старик когда-то был столяр и мебельщик, потом заболел, почти ослеп и все делал теперь только на ощупь.

Он распознал крепкий большой ящик на помойке, полный старых книг, сразу оттащил его к себе домой, книжки отложил в сторону, обнаружил игрушки, все аккуратно рассортировал, перетер мокрой тряпкой, рассмотрел через толстую лупу, поднося каждую вещицу прямо к глазам.

Он понял, что ему привалила неслыханная удача!

Часть игрушек вполне можно было починить, приделывать куклам как следует руки и головы; часть годилась только туда, откуда была взята.

А на самом дне лежала маленькая грязная кукла в ветхом платье и с гривой замусоренных волос.

Старик помыл куклу с мылом, окунул ее в тазик вместе с платьем и прической.

Он действовал очень бережно, он большие надежды возлагал на эту куклу, думая продать ее за бешеные деньги в субботу на рынке.

Когда кукла отмылась, он внимательно рассмотрел ее через свою толстую лупу.

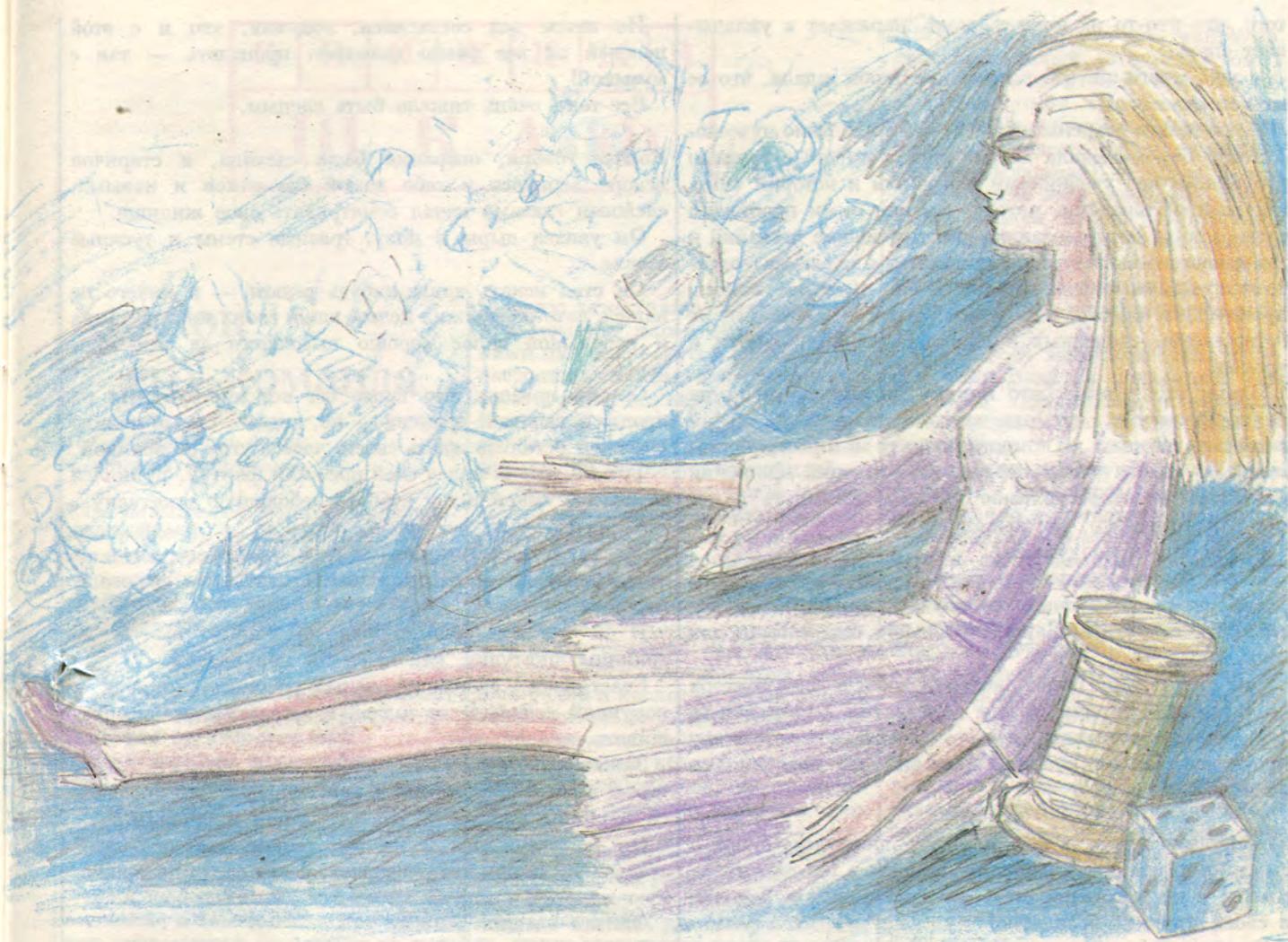
Надо сказать, что старик в жизни не видел такой красивой куколки, даже в детстве, а маленьким он любил играть в куклы, а вот драться и бороться не любил.

Когда-то у него росли свои дети, сыновья, драчливые, как щенята, потом сыновья женились и уехали в другие страны и там уже, наверно, стали сами стариками.

Таким образом, слепой столяр разобрал свои богатства и более-менее починил их.

Кроме того, ему нужно было привести в порядок и свою одежду, чтобы





Рисунки Михаила Сапожникова

появиться на рынке в приличном виде: оборванцу никто больших денег не заплатит, думал старик.

Он выстирал пиджак и брюки, рубашку и бельишко с носками, а когда все высохло, прогладил утюгом.

Это он умел.

Он не мог только шить, его глаза не различали иголку.

И еще он понял, что на рубашке и брюках не хватает пуговиц.

В таком виде только шататься по помойкам и собирать недоеденные корки, а не ходить торговать в приличное место, на рынок.

С такими мыслями старик заснул, а Барби вскочила с подоконника, где сохла, и нырнула в ящик с игрушками.

Она-то знала, что там лежит железная коробочка из-под леденцов, в которой еще бабушка ее девочки-хозяйки хранила иголки, нитки и всякую дребедень.

Барби подобрала пуговицы и быстро их пришила, а как — не спрашивайте, ведь она была волшебная!

Затем Барби зашила пиджак на локте, подмышками и у карманов, подмела пол (как — не спрашивайте, это секрет, который мы когда-нибудь откроем), все прибра-

ла и легла обратно на подоконник в ожидании дня.

Старик проснулся, была уже суббота, горестно оделся, помня о своем нищенском виде, захватил всю коллекцию уже чистых игрушек (в составе двух клоунов, шерстяного ежика, одноглазой дамы в шляпке, одного неизвестного уroda и фарфоровой кошечки), а Барби оставил почему-то на подоконнике в компании со сломанным игрушечным телефоном, который не поддавался ремонту, — и отправился на рынок, стесняясь сам себя.

Правда, он был застугнут на все пуговицы, но старик был человек рассеянный и забыл, что раньше пуговиц не доставало.

На базаре все его игрушки тут же купили небогатые люди, а просил он очень мало, и старик был рад удаче.

Идя домой, он купил молока, хлеба и жареной картошки и устроил настоящий пир.

Наевшись, он отнес кусочек хлеба и чашку молока куклке — почему, неизвестно.

Ему, наверно, было приятно о ком-то позаботиться, о каком-то еще более слабом существе.

Барби была счастлива.

Как известно, настоящая жизнь кукол начинается с

того, что кто-то их кормит, моет, наряжает и укладывает спать.

И уже много лет эта волшебная Барби ждала, что ее найдет мама.

Но ее нашел старенький папа, что тоже было чудесно.

Когда Барби лежала на дне ящика вместе с другими игрушками под учебниками географии и истории (пятнистыми и грязными, потому что над ними проливали слезы многие дети-двоечники, не выучившие названий и дат), постепенно пятна от детских слез осели на когда-то чистеньком платье Барби, а ее чудесные волосы пропитались пылью, школьным мелом и крошками от бутербродов, съеденных в классе во время перемен и уроков.

И она уже думала, что никому не нужна, но когда ящик выкинули, тут она начала на всякий случай посылать сигналы о помощи куда-то в пространство, прося об одном: чтобы первый же утренний прохожий почувствовал непреодолимое желание заглянуть в помойный контейнер, где лежал ящик.

И так оно и получилось!

И вот теперь волшебные силы Барби заработали.

Той же ночью она поговорила по игрушечному телефону с другими Барби. (Телефон был сломан для всех, кроме нее).

Она нашла одну Барби, которая жила в доме доктора по глазным болезням, и эта докторская Барби как-то так сумела обставить дело, что главному доктору приснился слепой старик, ходящий по помойкам с палочкой.

Когда глазной доктор весь в слезах проснулся, думая о своем умершем отце, ему вдруг пришла в голову смелая мысль: а не прооперировать ли какого-нибудь бедняка в своей клинике бесплатно!

Доктор нашел нашего старика по наводке двух хитроумных Барби и убедил его попробовать сделать операцию, сначала хотя бы на одном глазу.

Уговорить старика было нелегко, так как за свою слепоту он все-таки получал какую-то небольшую пенсию.

Но затем дед согласился, подумав, что и с этой пенсией он все равно голодает: пропадать — так с музыкой!

Все-таки очень тяжело быть слепым.

Короче говоря, операция была сделана, и старичок вскоре вернулся к себе домой без очков и новыми, свежими глазами начал осматривать свое жилище.

Он увидел дыры в полу, грязные стены и тусклые стекла.

Он стал искать какие-нибудь деньги — и ничего не нашел, зато обнаружил целый ящик своих инструментов и небольшой запас хорошо высохшего за эти годы дерева.

Старик помнил, что вроде бы все инструменты он продал в тяжелые времена — но, видать, самые мелкие и тонкие остались ждать своего часа в углу за веником.

Тут же старик надел свой прежний фартук, принялся за дело и смастерил к субботе небольшую шкатулку.

А ночью еще и Барби вскочила и разрисовала шкатулку красивыми узорами типа «ореховое пламя» — это выглядело как природные завитушки дорогого, породистого дерева.

И не успел старик, придя на рынок, вынуть из тряпицы шкатулку, как налетели покупатели.

Счастливец, вынувший деньги первым, ускакал с покупкой подальше от толпы, а остальные стали спрашивать, нет ли еще.

Зажав деньги в кулаке, старик стал обходить базар, чтобы купить пропитание, и вдруг увидел, что продаются Барбины наряды — платья, туфли и шляпки.

Он не удержался и на все деньги накопил своей старенькой Барби кучу подарков, в том числе подержанную машину и зонтик.

Он так спешил домой!

Барби, разряженная как на бал, сидела теперь на подоконнике и сверкала, а старик выдвигал шкатулки на продажу и помышлял построить своей кукле дом с мебелью, освещением и маленьким японским садом...

А у Барби уже был готов новый план действий.

О подписке на нашу «Детскую библиотеку»

Откликаясь на просьбы и обращения читателей, узнавших из январского номера журнала о планах редакции насчет «Детской библиотеки», мы наконец решились объявить на нее подписку. Пока что речь идет о трех книгах, которые можно будет получить до конца этого года, а именно:

Людви́к Ежи Керн. Фердинанд Великолепный. Прогно́з, Фердинанд! 128 страниц. 25 цветных иллюстраций.

Беатриса Поттер. Кролик Питер и другие истории. 80 страниц. 120 цветных и черно-белых иллюстраций.

Туве Янссон. Муми-тролль и все остальные. (Четыре сказочные повести: Муми-тролль и комета; Шляпа Волшебника; Междуары Муми-папы; Опасный канун.) 256 страниц. 160 черно-белых иллюстраций.

Книги выходят в формате журнала, с цветными обложками.

Подписаться на приложение к журналу «Семья и школа» — «Детская библиотека» можно в любом отделении связи. Подписка уже идет. Закончится она в первой декаде августа. (Точная дата окончания подписки устанавливается местными предприятиями связи.)

Индекс издания — 71254.

Подписная плата — 7200 рублей плюс стоимость местных почтовых услуг.

Внимание! Возможно, вам будут отказывать в приеме подписки, ссылаясь на то, что нашего издания не найти в Каталоге. В Каталоге искать его не надо! Подписка открыта в соответствии с телеайпограммой ЦРПА «Роспечать» № 7—9 от 14.06.94, направленной начальникам администраций связи.

Хичкок и его команда

По страницам серии
«Детский детектив»

Так называется серия, выпускаемая московским издательством «Совершенно секретно» (первые ее книги вышли под более замысловатым грифом: «Московская штаб-квартира Международной ассоциации детективного и политического романа»).

Что такое «детский» детектив? Чем отличается он, чем должен отличаться от «взрослого»?

Ясно, что там должно быть меньше крови, меньше жестокостей, меньше жертв. И вообще меньше «черноты» и безысходности — в атмосфере мрака детское сердце рискует зачерстветь.

Дети любят читать про своих ровесников, и тем более — про таких, кои занимаются не какими-то пустяками, а серьезными, взрослыми делами. Применительно к «детскому» детективу это значит: дети, по возможности, сами должны быть детективами, сами должны искать разгадку разных таинственных происшествий.

Эти качества и присущи всем или почти всем выпускам данной серии, на десять с лишним выпусков которой я насчитал трех авторов: американцев М. Кэри и Кэролайн Кин и англичанку Энид Блайтон (русские дети знают ее по сказочке «Знаменитый утенок Тим»). Самые интересные в чисто детективном смысле — несколько повестей М. Кэри, объединенных названием «Альфред Хичкок и Три Сыщика». Главные герои здесь — трое подростков, живущие в американском городке Роки-Бич. У них собственная штаб-квартира (старый автоприцеп), криминалистическая лаборатория и даже собственное сыскное агентство («Три Сыщика»), куда и предлагается обращаться всем желающим. Начинать они, наверно, с игры, но игра эта постепенно перешла в се-

рьезную детективную деятельность, и к моменту нашего знакомства с ними они уже берутся расследовать настоящие сыскные дела. Этому способствует то, что лидер этой троицы Юпитер Джонс победил незадолго до того на конкурсе, проводимом фирмой по прокату автомобилей, и на целый месяц получил в полное свое распоряжение шикарный «роллс-ройс» с шофером, коих он и использует для нужд своего агентства. На этом-то блестящем «роллс-ройсе» и подкатывают юные сыщики к дому самого Хичкока...

К слову сказать, сам Хичкок в повестях с его участием высказывается редко и неохотно, лишь иногда снисходительно комментируя приключения своих поклонников и учеников. И даже когда решается наконец что-то сказать, не произносит ничего особенно умного и оригинального.

Зато игровое начало в «хичкоковских» сюжетах развито очень сильно. Например, в повести «Тайна попугая-зайки», где семеро попугаев, принадлежавших когда-то одному хозяину, хранят в своей памяти несколько хитроумных фраз, сочетание которых открывает ключ к тайне ценного клада. Бюро «Три Сыщика» ведет поиски похищенных и тщательно запрятанных редких картин параллельно с опытейшим в таких делах вором, специально прибывшим в Америку из Европы. Как вы, наверно, догадываетесь, вор остается ни с чем, а юные сыщики, чуть-чуть точнее и глубже сумевшие расшифровать попугайскую криптограмму, к восторгу юных читателей оказываются победителями.

Что касается повестей Кэролайн Кин «Тайна сапфира с пауком», «Тайна пропавшей карты», «Тайна летнего домика» и прочих, то здесь интересен прежде всего образ главной героини — юной и незаурядно талантливой сыщицы Нэнси Дру, в сравнении с которой остальные герои (за исключением ее отца, опытного адвоката, не раз помогающего дочери ценными советами) выглядят просто статистами.

Главная особенность повестей Энид

Блайтон в том, что тут, напротив, действует целый коллектив юных детективов-любителей, в шутку называющих себя «Пятеркой тайноискателей с собакой». Старшему из них всего-навсего 13, а младшему (вернее, младшей) — всего 8 лет. Хотя именно этой девочке по имени Бетси удается иногда уловить главную деталь расследования. Действительно, есть и собака — скоч-терьер Бакстер, тоже играющий не последнюю скрипку в расследовании загадок и тайн.

Среди всех выпусков серии повести Энид Блайтон показались мне наиболее «детскими» и наиболее естественными (как ни парадоксально это звучит по отношению к повестям, где действуют столь юные сыщики и следопыты), — наверно, потому, что писательница не менее внимательна к самим своим героям, чем к таинственным перипетиям детективного сюжета.

Можно, конечно, попенять издателям серии «Детский детектив» на слишком ограниченный (пока что) круг авторов и героев, на чересчур однотипный (пока что) подбор сюжетов. Но не хотелось бы кончать наш обзор на минорной ноте. Ведь преодолеть любую узость и однотипность — вопрос времени. Зато удачно найден образец именно детского детектива, который, безусловно, будет интересен юным, а может быть, и не только юным российским читателям.

С. Сивоконь

Как молоды мы были

«Звезда», 1994 (3).
В номере Сергей Довлатов

Если у кого-нибудь из современных русских писателей и есть поклонники — в том, стародавнем, смысле, предполагающем элемент влюбленности, — то это, конечно, у безвременно умершего Сергея Довлатова.

Довлатова трудно не полюбить. За неуловимую интонацию — смесь юмора, сентиментальности и душевного холода. За корректную осанку петербуржца в советском дурдоме. За усмешку над собственной осанкой. За доброту. Наконец за неафишируемую общедоступность его писаний.

Слегка схематизируя, можно сказать, что талант Довлатова состоял в способности придавать энергию и



форму вещам, которые сами по себе их не имели, то есть всей нашей жизни «застойного» периода, тусклой, бездарной, вечно «при последнем издыхании». Он как бы реанимировал эту жизнь, дарил ей призрачное бессмертие. И в этом отношении тихий, благовоспитанный голос его прозы отчасти сродни хрипящему на разрыв голоса Высоцкого.

Не знаю, интуитивно или сознательно, Довлатов установил такую дистанцию между собой и жизнью, какая только и могла обеспечить решение его литературных задач. Не слишком высоко стоя над жизнью. Не слишком на отшибе. Участвуя в жизни, но не совпадая с ней. Не принимая жизнь слишком всерьез. Чуть больше резкости и злости — он превратился бы в отпетого диссидента. Чуть меньше артистизма и неординарности — стал бы «прогрессивным молодым автором» вроде шестидесятников из журнала «Юность», каковой возможностью поддразнивал его язвительный приятель.

Довлатов не стал ни тем, ни другим. Место, занятое им в литературе, уникально. Кстати, его литературная единственность тоже притягивает к нему читательскую симпатию. Лучшие вещи Довлатова (к примеру, рассказы «Представление», «Лишний», «Чья-то смерть») — это картинки жизни времен советского упадка, увиденной и рассказанной изнутри. С мерцательным эффектом участия/непричастности. Эффектом, составляющим главную прелесть этих вещей. Для такого писателя эмиграция не могла не стать драмой. Прозе Довлатова нечего делать с нормальной жизнью. И хотя в Америке его дела складывались, в общем, неплохо: он довольно успешно входил в американскую

литературную жизнь, а благодаря выступлениям по радио «Свобода» становился все более известен в России, — впечатление такое, что большого литературного будущего в Америке у него не было.

Что, к сожалению, и подтверждают опубликованные в мемориальном номере «Звезды» американские рассказы и повести Довлатова с их самоповторами и чересчур заметным налетом уверенной в себе мастеровитости. Если в двух словах, то «трагикомедия» вырождается в них в «юмористику». Ничего не прибавляют к литературному облику Довлатова и перепечатанные «Звездой» передовицы из эмигрантской газеты «Новый американец», писавшие им в первые годы президентства Рейгана. Давно это было. И видится точно во сне. Утратив актуальный интерес и пока еще не получив академического, они сейчас попросту ни к кому не обращены.

Самое любопытное в довлатовском номере — раздел «Приятели о Сергее Довлатове». Собраны воспоминания людей, более или менее близких его знавших, в основном тоже литераторов, иногда упоминаемых в его прозе. Что вспоминают? Прогулки по Ленинграду, Пушкинские Горы в бытность там Довлатова экскурсоводом, не очень содержательные разговоры, выпивки, смешные случаи. Еще что-то. Тягучее время, изматывающее нервы и крадущее жизнь. Что-то очень похожее на прозу Довлатова. Абсолютно отличное от нее.

Вспоминают, естественно, с ностальгическим чувством — молодость есть молодость. Ну а так даже и пересказать, в сущности, нечего. О Довлатове говорится, конечно, много, не сказано почти ничего. Может быть, оно и закономерно. Писательство — дело одинокое. Как небо от земли литература далека от жизни. За редким исключением ценность этих воспоминаний состоит главным образом в том, что благодаря им лучше понимаешь, как много сил, нервов, жизненного времени тратил Довлатов, превращая «ничто» в «нечто».

Впрочем, что уж там говорить. Как-то Довлатову привелось участвовать в конференции по проблемам литературы эмиграции Третьей волны, проходившей в Лос-Анжелесе. Его отчет о ней в «Новом американце» тоже перепечатан «Звездой». Он заканчивается такими словами: «Прощай, Калифорния! Прощай, город ангелов, хотя ангелов я что-то не заметил.

Прощайте, старые друзья и новые знакомые.

Прощай, рыжая девушка, запрещающая оглашать свое имя.

Прощай... Я чуть не сказал — прощай, литературa! Sorry. Литература продолжается. И еще неизвестно, куда она тебя заведет...»

Б. Ш.

Записки начальника

Борис Ельцин. Записки президента. М., «Огонек», 1994

Кажется, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять элементарную вещь — мемуары политика, стоящего у власти, это меньше всего дань прошлому, а наметки, проекты, пробные шары, что-то вроде воспоминаний о будущем.

Вот и «Записки президента» открываешь с этой предвзятой уверенностью, собираясь вычитывать между строк, сопоставлять и догадываться. В надежде если не узнать, так вычислить некую новую информацию на тему «куда мы двинемся?» и «что нас ждет?»

Открываешь — и тут же убеждаешься, что способность к нестандартному поведению не изменила Ельцину и в мемуарном жанре, — в этой книге совсем (или скажу осторожнее — почти) нет следов сколько-нибудь далеко заходящего политического расчета. Никакой скрытой стратегии, так сказать, опробуваемой в неофициальном порядке. Несмотря на неизбежные умолчания и нормальную для действующего политика уклончивость в частностях, это прежде всего и в основном искренняя книга.

Рассказ начинается с раннего утра 4 октября 93 года — с драматического отказа элитных спецгрупп «Альфа» и «Вымпел» выполнить приказ президента и взять штурмом Белый дом. Завершается вечером того же дня — арестом Рудцкого, Хасбулатова и прочих. В этом напряженном силовом поле Ельцин и вспоминает события последних нескольких лет — с особым упором на дружбу-вражду с Горбачевым, августовский путч, Беловежскую пущу и самые острые моменты борьбы с Верховным Советом. А кроме того, дает более или менее нелюбимые характеристики своих сотрудников, бывших и сущих. Плюс цикл лирических отступлений под названием «В ночные часы», то есть небольших экскурсов в давнее прошлое президента. Такова вкратце композиция «Записок».

Ну просто
необходимые вещи!

(Окончание. Начало на 29-й странице)

ОХОТНИЧИЙ ПЕС» не выходил на видео более 10 лет ни в Штатах, ни у нас. История, в основе которой книга Дэниэла П. Мэнникса, — это просто-таки «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК», как бы его увидели диснеевские мультипликаторы, история о лисенке и щенке, которые подружались детьми, а вырастая, естественным образом встали «по разные стороны баррикад», но не пожелали быть охотником и жертвой. Первокласное (и не слишком морализаторское) зрелище в исполнении известных мультипликаторов Арта Стивенса, Теда Бермана, Ричарда Рича, Джона Маскера, Олли Джонстона, Вольфганга Рейтермана (многие постоянно работали с Диснеем), а также актеров (голоса) Микки Руни, Курта Расселла, Джека Элбертсона, Сэнди Данкан, Кори Фелдмана и т. д.

«ВОЛШЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» («The Magic Voyage»). Канада — Германия при участии США, Словакии, Испании, 1993 г., 82 мин., мультипликационный. Реж. — Майкл Шеманн. Худ. оц. — 4. Ком. оц. — 4.

Вы, наверняка, и не подозреваете, какую роль сыграл в открытии Америки Колумб роль древесный червь по имени Пико. Да-да, 1492-ой год и все такое прочее... По версии авторов фильма, кроме Христофора Колумба на борту «Санта-Марии» были 4 глупых матроса, 3 жадные крысы и 1 умный древесный червь по имени Пико. А поскольку такого придурка, как экранный Христофор, надо еще догадаться, то ни в жизнь бы ему не догадаться, что Земля круглая и что надо плыть в Америку, если бы не Пико. Еще бы: Повелитель Насекомых похитил зазубу Пико — светлячка Мэрилин — и унес ее за океан. До Индии ли тут! Спасать надо! Конечно, это не новое слово в мультипликации, но превосходное зрелище для детей. Тем более, что озвучили его известные актеры Дом ДеЛуиз, Кори Фелдман, Айрин Кара, Дэн Хэггерти, Саманта Эггар, Микки Руни, Тед Прайор. Есть на что посмотреть (если не очень критически подходить к беспардонно пародийному и насмешливому сюжету).

Есть на что посмотреть! Надо только отделять, как говорится, зерна от плевел, хорошее кино от плохого, выработать вкус к первому и не смотреть второе. Понять, что такое — ДЛЯ ВАС — «необходимые вещи».

Михаил Полежаев

Вот уже тридцать лет, пишет Б. Н., как он принадлежит к сословию начальников (ибо «именно так в России у нас называют людей моего, так сказать, социального слоя»). И это, безусловно, не только фактическая констатация, но и психологическая самооценка. Достаточно строгая, нужно признать («...со мной все понятно. От партийных комплексов избавляюсь мучительно»). Что ж, никуда не денешься: начальнический ваглад проявляется и в самих «Записках», рассчитанных на максимально широкую аудиторию, а значит, на так называемого простого читателя. Точно что по-начальнически Б. Н. несколько переоценил его простоту. Иначе зачем бы понадобились неубедительные (опровергаемые другими местами книги) попытки закамуфлировать глубину происходящих в России перемен, представить дело таким образом, будто уже в брежневские времена тоталитаризм был «не тот», то есть, оставаясь тоталитаризмом, повернулся к людям (?), зачем с номенклатурной душевностью вспоминать счастливые улыбки демонстрантов в Свердловске в день Великого Октября? Все это, кажется, совсем лишнее. Совсем ни к чему. Есть люди, которые все равно не поверят столь умильной картинке. Есть и такие, которых она все равно не удовлетворит в силу своей, скажем так, недостаточной яркости. Остальным же, думаю, просто все равно.

Хотя, конечно, не стоит придавать «картинке» чересчур много значения, как делает, например, неукротимая Валерия Новодворская в журнале «Столица», считающая «Записки» прямо доказательством, что как был Ельцин первым секретарем, так им и остался. Это уж слепота какая-то. Можно ли было не расслышать боль Б. Н. за собственное прошлое (он ведь не хвалится, что «начальник», скорее кажется, не заметить, что границы, полагаемые этим прошлым, самому ему совершенно ясны, что своей непосредственной задачей он считает ускорить приход к власти нового поколения политиков. (Готовы ли они, вот вопрос.) Ельцин охотно и легкомысленно сравнивают с царем, а того, что он все-таки не царь, а следовательно, и не «все может» (царь, впрочем, тоже не мог), почему-то не хотят принять во внимание.

Вообще, если «Записки президента» читать так, как они того, по моему, заслуживают, то есть непредвзято и с презумпцией доверия к автору, то можно найти в них прямой или косвенный ответ практически на все недоумения или не-

доразумения, связанные с президентской политикой. В маленькой заметке обо всем не скажешь, — выделю две фразы, показавшиеся ключевыми.

«...Отнюдь не всегда действия власти должны выглядеть красиво».

Не уверен, что сам Б. Н. придает этой фразе, связанной с ситуацией роспуска парламента, сколько-нибудь расширительное значение. А между тем, действительно: власть — это не витрина и не плац-парад, это кропотливый труд, компромиссы, зачастую выбор лучшего варианта из сплошь худших и неподъемный груз решений, кои ни при каких обстоятельствах не удовлетворяют всех. И еще:

«Ельцин не ставит перед народом глобальной стратегической цели».

Значит, впервые на памяти ныне живущих власть в лице Ельцина сознательно пошла на ограничение, а всякий добросовестный человек не может не признать, что это не пустые слова, что наше будущее действительно предоставлено нашему решению. Другое дело, что свобода трудна.

Наверное, «Записки президента» могли бы, что называется, поднять рейтинг Ельцина, вернуть ему часть народного доверия, которое три года назад вознесло его на вершину власти.

И здесь приходится говорить о грубейшей ошибке издателей. «Записки президента» изданы с бестактной и вульгарной роскошью на манер советских парадных изданий, что мало того, что вообще нелепо, делает книгу несуразно дорогой. Так что читателей, боюсь, будет немного.

Б. Шугрин



ПАНОРАМА

■
Вернулся в Россию Александр Исаевич Солженицын. Вопреки, казалось бы, очевидности, всегда был уверен, что вернется, и вот — так и вышло. Еще один поразительный штрих в рисунке этой великой жизни.

Жизнь Солженицына, он сам не меньше, а может быть, крупнее своих произведений. Тем более — мнений по конкретным поводам. Тем более — заведомо предварительных мнений, как те, что высказываются им по пути из Владивостока в Москву. Большой разговор Солженицына с Россией после 20 лет изгнания, с Россией, ставшей «другой страной», еще не состоялся.

С возвращением, Александр Исаевич!

Разговор же, должно быть, предстоит любопытный.

«А кто он, собственно, такой?» — встречает Солженицына «другая страна» устами снедаемого самовлюбленностью репортера, ныне парламентария.

«Жить не по Солженицыну!» — вопит другой молодой человек, воображающий себя философом.

Скудоумие и хамство, дикарская неспособность чувствовать и признавать масштаб чужой личности получили с возвращением Солженицына обильную пищу.

Нет ничего особенно страшного в том, что, согласно социологическим опросам, около 10 процентов населения вообще не слышали имени Солженицына, а 44,4 процента не прочли ни строчки, написанной им. Это как раз более или менее в порядке вещей. В самой что ни на есть цивилизованной Америке тоже далеко не все читали, например, Фолкнера. Ну и что? Во всяком случае, неведение пусть и печальный факт, но никак не подлежащий моральной оценке.



Иное дело — реакция интеллигенции, «образованщины», по словцу Солженицына. В связи сего возвращением у нее сложился какой-то смутный комплекс, который именно сейчас имеет смысл зафиксировать, так как вскоре от него ничего не останется. Вот, коротко. Солженицына побаиваются. Солженицына не понимают. Солженицыну завидуют.

Так называемые коммунопатриоты явно боятся конкуренции с его стороны, — судят по себе и не верят в искренность его заявлений о нежелании прямо заниматься политикой. (А ведь какой, скажем так, наивностью нужно обладать, чтобы серьезно допускать, что Солженицын к кому-нибудь «примкнет» или пустится конкурировать с Рухким или Зюгановым!)

Чем, далее, кроме жгучей зависти, прикажете объяснить мощный хор голосов со всех сторон, твердящих, что де с возвращением Солженицын опоздал и «поезд ушел»? Какой поезд? И у кого есть право указывать Солженицыну, что и когда ему следует делать? Можно подумать, он начинающий, да еще им чем-то обязан.

Особую остроту придает ситуации то обстоятельство, что, если не говорить о безусловных единомышленниках Солженицына, то наиболее по-человечески нормальная и свободная от задних мыслей реакция на его возвращение последовала из лагеря демократов, то есть как раз тех людей, которые, с одной стороны, наверняка будут спорить с ним по целому ряду принципиальных вопросов, а с другой, в силу интеллектуальной подготовленности и личной репутации, лучше многих других подходят на роль его собеседников.

Предстоит и впрямь любопытный разговор.



С апреля в Руанде в Африке — гражданская война, геноцид, паника. Причины разыгравшейся трагедии сложны, коренятся, в частности, в племенной вражде двух народностей, населяющих Руанду — тутси и хуту, в недостатке земли, пригодной для обработки, и т. д. Это, впрочем, известно. Счет погибших идет на сотни тысяч, беженцев — может быть, на миллионы.

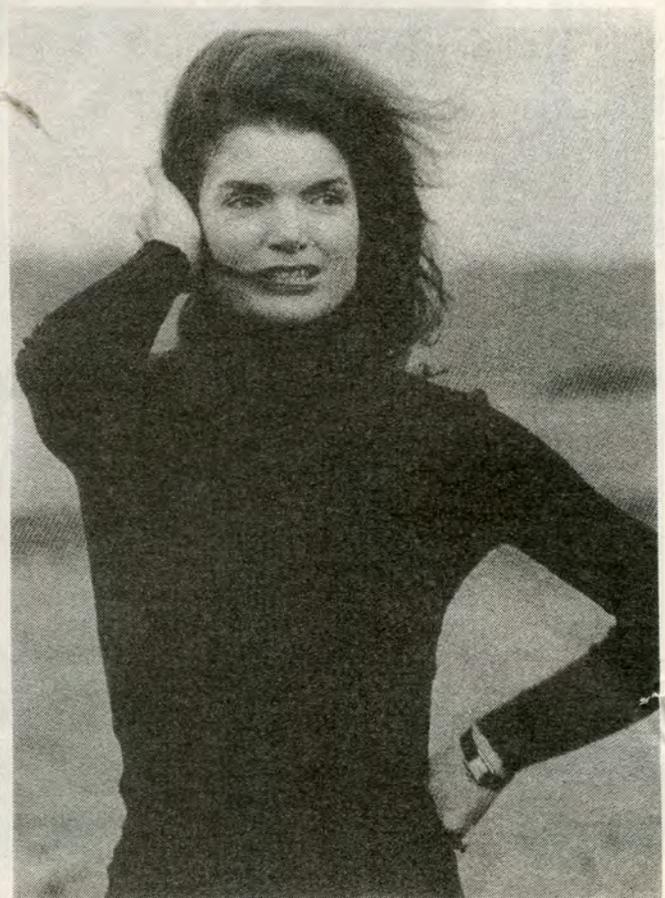
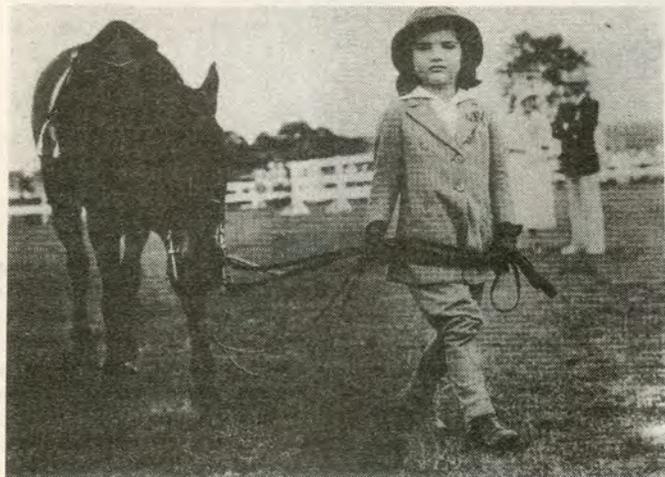
Знаменитый бразильский фотограф Себастио Сальгадо уверен, что миграция больших человеческих масс, стремящихся или вынужденных начинать свою жизнь заново, иначе говоря — беженство стало приметой пейзажа нашей планеты в конце века. Сальгадо — фотограф, снимающий беженцев. Вместе с толпами тутси — стариков, женщин, детей, бегущих от истребления из руандийской столицы Кигали, он проделал их путь к спасению в соседней Танзании. И снял репортаж, леденящий ужасом и поражающий мастерством. Вот, одна из фотографий перед вами.

Полвека назад на рассвете 6 июня 1944 года на пустынных пляжах Нормандии началась высадка войск союзников, известная как операция «Оверлорд». Мало кто знал, что ей предшествовала еще одна — сверхсекретная — операция с целью обеспечить внезапность высадки англоамериканцев. Коротко говоря, нужно было обмануть стра-

тегов Гитлера, т. е. уверить их в том, что союзники собираются форсировать Ла-Манш в направлении Кале, превращенного немцами фактически в крепость. Для этого британские спецслужбы разработали план, названный кем-то великим надувательством, что, как ни смешно, буквально отвечало сути дела. Ибо в Америке в глубокой тайне изготовили тысячи резиновых пу-

шек и танков, надувавшихся как воздушные шары, а доставив их в Англию, разместили в районе Дувра, создавая для воздушной разведки немцев полную иллюзию мощной группировки, готовой к действию. Один такой фиктивный танк вы и видите на фотографии. Настоящие же войска базировались дальше на юго-запад и ударили между Шербуром и Гавром. Разумеется, кроме фиктивной техники, работала служба дезинформации, успешно внушая немцам впечатление полной осведомленности о готовящейся высадке, тогда как на самом деле они не знали о ней почти ничего. Ныне операция под кодовым названием «Мужество» описана в одноименном романе американца Ларри Коллинза, ставшем бестселлером в эти юбилейные дни.





Последние годы она служила в известных издательских фирмах, сначала "Викинге", затем — в "Даблдей". Редактировала мемуары знаменитостей — Джелси Керкланд и Майкла Джексона, вытатила на свет божий "Дневник наполеоновского пехотинца", известную рукопись, прозябавшую в канзасской библиотеке. Когда ее спросили, когда она напишет свою книгу, Джеки рассмеялась: "Возможно, когда мне будет девяносто". И добавила нечто вроде того, что нет смысла сидеть над воспоминаниями, когда можно просто жить. Жаклин Кеннеди Онассис умерла в шестьдесят пять, так и не рассказав о себе.

Снимок, на котором четырехлетняя Жаклин прогуливается со своим любимцем, мог бы навести на мысль о

безоблачном детстве. Однако покупка пони была тогда, в 1933 году, тяжелой тратой для семьи, глава которой, рискованно игравший на бирже, в полной мере испытал последствия краха, разразившегося на Уолл-стрите в 29-м. Так что вряд ли Джеки была баловнем судьбы. Она знала, конечно, привилегии, но и цену их тоже.

Она понимала и любила искусство. В колледже она получила приз журнала "Вог" (год в Париже и сотрудничество с редакцией) за эссе, одним из предметов которого был великий русский балетный импрессио Сергей Дягилев. В общем, вспоминают хорошо знавшие ее, "с ней можно было говорить о Бодлере, но не о Кромвеле".

При всей аполитичности ей пришлось стать Первой Леди и нести бремя всеобщего внимания. Во время президент-

ского визита во Францию ей оказывали едва ли не королевские почести. Джон Кеннеди пошутил тогда: "Я тот самый человек, который сопровождает Жаклин Кеннеди". Она была, что называется, "стильной", но в этом не было ни грама тщеславия, таков

был сам способ ее существования. Она не просто украшала себя, но выражала этим свое понимание красоты.

Ей удалось чудесным образом отстоять свою приватность, свое право жить и поступать на свой лад. И остаться прекрасной загадкой.

Он умер как и жил — с выражением иронического лобызства в глазах и трезвой готовностью к худшему. С раннего детства, говорил он в 1981 году, поведение людей казалось мне абсолютно бессмысленным. «Я пребывал в состоянии перманентного удивления. Вот и не избавился от него до сих пор».

Он умер весной в Париже в возрасте 82-х лет.

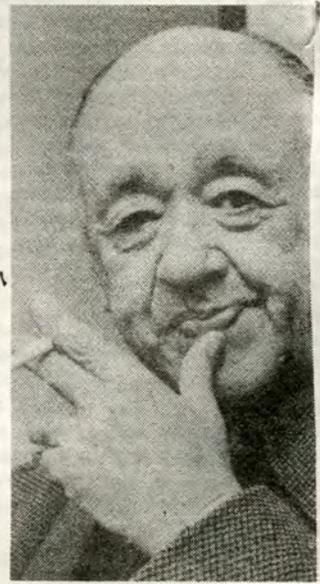
Румын по крови, парижанин по душе, драматург по профессии, Эжен Ионеско был классиком театра абсурда, хотя и не раз подчеркивал, что терпеть не может это словосочетание. Театральный инстинкт подсказывал ему, что граница жизни и театра более чем условна. А если абсурдна сама жизнь, «театр абсурда» — попросту тавтология.

«Если в дверь звонят, опыт показывает, что за дверью никого нет», — это реплика из «Лысой певички» Ионеско, написанной в 1950 году. Будучи гражданином рассудительной Франции, он не мог и не хотел что-либо противопоставлять показаниям опыта.

Он принадлежал к числу немногих художников, сумевших не только почувствовать, но и закрепить в образах полную смутных угроз атмосферу современного мира. Прочитав ту же «Лысую певичку», «Стулья» или «Носорога», кажется, что «иначе и не бывает» и в общем-то давно известно. В этом отношении он похож на Кафку или Сальвадора Дали. Однако без беспросветной мрачности первого и высокомерного шутства второго. Ионеско был гуманистом — несколько на старомодный лад. Он, может

быть, и не верил в людей, зато за них заступался. Например, за советских диссидентов в семидесятых-восемидесятых. Надиктованный им предсмертный текст содержит его благодарность «огромному количеству людей». Даже умирая, он старался не впадать в высокопарную серьезность: «Внутри меня пустота, и больше я уже не могу, не из-за боли, а из-за экзистенциальной пустоты, заполняющей мир, если можно сказать, что мир полон пустоты... Иногда я думаю, что думаю о том, что думаю, что я молюсь. Кто знает, будет ли там что-нибудь. Быть может, потом наступит радость. Какую форму имеет бог? Я думаю, что бог — овалный...»

Недаром его приятель Борис Виан называл юмор вежливостью отчаяния.



Это звезда на небосклоне американской моды и фотографии — топ-модель Дженис Дикинсон. Как видите, недурна собой. Правда, увы, увы, молодость и красота проходят, а ей уже 37. Не исключено, что младенец в руках Дженис — это ее последний шанс навсегда обеспечить себе место под солнцем жизненного успеха. Ибо отец малютки не кто-нибудь, а Великий Рембо, Сильвестр Сталлоне. Из этого факта практичная топ-модель постаралась извлечь все возмож-

ное. Свою беременность превратила в шоу, снималась в вызывающих позах и т. п. А родившуюся девочку назвала Саваной Роден — в честь любимого скульптора Сталлоне. Кто бы подумал, что Рембо — интеллектуал?! А он еще и джентльмен впридачу. Ни съемки нового фильма с самой сексуальной актрисой Голливуда Шарон Стоун, ни общество некоей юной девы не помешали ему бросить все и отправиться обнять мать и дитя. Говорят, свадьба не за горами. Это ведь надо же — Рембо женится! Впрочем, не в первый раз.



По общему мнению, 47-й Каннский фестиваль не удался. Тусклый выдался фестиваль. Европейцы обиделись, что Золотая пальмовая ветвь снова досталась американцам — на сей раз Квентину Тарантину за пародию на гангстерский боевик с непереводаемым названием (что-то вроде «Криминального чтива»). Никита Михалков обиделся, зачем она ветвь досталась не ему за фильм «Унесенные ветром», то бишь «Утомленные солнцем», и видимо в знак протеста решил, говорят, баллотироваться в президенты России. Ужо он Канну покажет! (Шутка.)

Тем ярче, вероятно, на фоне всеобщей неудовлетворенности смотрелась тень великого Ренуара — человека-легенды французского кино, чей приближающийся столетний юбилей дал повод украсить фестивальную программу ретроспективой его знаменитых фильмов. Сын художника, режиссер Жан Ренуар и стал настоящим героем Канна-94. Что и пришлось как нельзя более кстати. (Вот он, посмотрите, — гигант в медвежьей шкуре в роли Октава в собственном фильме 39-го года «Правила игры».) Кстати же

правило, он лет на 10-15 опережал время. Свою независимость Ренуар ставил выше любых доктрин. В 30-х, в пору Народного фронта, он стоял близко к компартии. Что не мешало ему, например, снимать в муссолиниевской Италии. Он знал, что всюду останется самим собой. Так вот, теперь, когда политическое левачество, питавшее как-никак европейское кино последних десятилетий, очевидно выдохлось, и образовался, так сказать, идеологический вакуум, пример одиночества и свободы, преподанный Ренуаром, выглядит вдохновляюще. Как-то Франсуа Трюффо заметил, что фильмы Ренуара учат понимать, что ничего нельзя понять до конца. Как будто сегодня сказано.

Вторая причина тоже касается болевой точки нынешних европейцев, занятых кино. Дело в том, что в 40—50-х годах Ренуар весьма плодотворно работал в Америке. А пресловутая экспансия американской киноиндустрии — данный источник невроза кинематографистов Старого Света. Громы и молнии насылают они на Содом и Гоморру Голливуда столь же упорно, сколь и бездейственно. Смириться — потерять лицо. Про-



пришлось в силу как минимум двух причин. Первая. Ренуар был по-настоящему независим. Такие шедевры, как «Дочь воды» (1924), «Нана» (1926), «Преступление г-на Ланжа» (1935), «Великая иллюзия» (1937), «Человек-зверь» (1938) он снимал с великолепным безразличием к мнению публики. Часто они проваливались в прокате. Как

должать — самим тошно. Сколь можно, в конце концов. Вот и здесь пример Ренуара указывает не то чтобы выход из положения, а возможность шире и терпимее смотреть на вещи. А это имеет свою цену, в смысле хотя бы психотерапевтическом.

Так что славное дело — юбилей. Особенно если ко времени.

Безумный Монктон

повесть уилки коллинза

Глава 4

— Вы ведь, кажется, уроженец нашего графства,— начал он,— значит, вам, скорее всего, доводилось слышать о диковинном старинном семейном пророчестве, следовать которому и ныне принято в Уинкотском аббатстве.

— Я слышал о пророчестве,— ответил я,— но никогда не слышал самого пророчества. Оно, кажется, предрекает гибель рода или что-то в этом духе, верно?

— Нам так и не удалось установить, к какому времени оно восходит; нигде в наших семейных хрониках не говорится о том, откуда оно берет начало. Старые наши слуги и арендаторы слышали его от своих отцов и дедов. Откуда-то оно было известно и монахам, от которых к нам перешло это аббатство во времена Генриха VIII,— я сам нашел стихи, из которых явствует, что это пророчество передавалось с очень давних пор, их вписали на чистую страницу одной из рукописей аббатства. Вот эти стихи, если можно их так назвать:

*Если будут пустовать
Склепы Уинкота и ждать
Монктона, что в свой черед
В землю предков не сойдет,
Сир и брошен, словно тать,
На ветру будет лежать,
Смрадным трупом будет гнить,
Трех аршин себе молить
(Тот, кто акрами владел,
Не получит их в удел),—
Это будет верный знак,
Что сгустился страшный мрак,
Смерти тень все ниже, ниже,
Гибель Монктонов все ближе,
Над последним в их роду
Смерть взнесла свою косу.*

— Такое туманное предсказание мог сделать любой старинный прорицатель,— возразил я, заметив, что он повторил стихи и смолк, словно поджидая, что я скажу.

— Туманное или нет, оно сбывается,— возразил он.— Теперь я последний оставшийся в живых владелец, последний из старшей ветви нашей семьи, на которую и указывает пророчество, и тело Стивена Монктона не упокоилось в склепе Уинкотского аббатства. Погодите, не торопитесь мне возражать. Я далеко не все сказал. Задолго до того, как аббатство перешло к Монктонам и мы жили поблизости в старинном поместье (от которого не осталось даже развалин), семья хоронила своих умерших в склепе под часовой аббатства. Не знаю, известно ли было в те далекие времена это недоброе для нас пророчество, страшились ли его уже или нет, но одно известно наверное: каждого Монктона (жил ли он в аббатстве или в более скромном шотландском имении) погребали в Уинкотском склепе, с какой бы опасностью или жертвой это ни было сопряжено. В жестокое, ратное старое время тела моих предков, павших на чужбине, отвозывали и доставляли в аббатство, хотя зачастую, кроме обрени-

тельного выкупа, это стоило и чудовищного кровопролития. Это суеверие, если вам угодно считать его таковым, никогда не выводилось из семьи, оно живет с тех самых дней доныне: на протяжении веков ни разу не прерывалась цепь погребений в склепе Уинкотского аббатства, ни единого разу — по сю пору. И ожидающая праха могила, о которой говорится в предсказании, это могила Стивена Монктона, и глас, вотще молящий о земном приюте, это глас мертвого, глас духа. Я знаю, словно видел это своими собственными глазами,— они оставили его непогребенным под открытым небом, он лежит там, где был убит.

Прежде чем я успел издать хоть слово протеста, он упредил меня, медленно поднявшись с места и указывая рукой в ту сторону, куда недавно вперился взглядом.

— Я знаю, что вы хотите сказать,— произнес он голосом громким и суровым,— вы хотите спросить, неужели я настолько безумен, что верю нескладным виршам, сочиненным в пору темных суеверий для того, чтобы пугать самых невежественных слушателей? На это я отвечаю — тут голос его вдруг упал до шёпота,— я отвечаю: «Да, верю!» — ибо Стивен Монктон собственной персоной стоит сейчас передо мной и подтверждает мою правоту.

Оттого ли, что на его лице так страшно обозначились омерзание и страх, когда он поднялся с места и стал против меня, оттого ли, что я никогда прежде не верил понастоящему слухам о его помешательстве и сейчас совершенная уверенность в их справедливости обрушилась на меня внезапно,— не могу сказать, но от его слов у меня заledenела в жилах кровь и мне не хватало духу обернуться — я сознавал это в глубине души, пока сидел так, безмолвный и оцепенелый,— и посмотреть на то место рядом со мной, куда он указывал рукой.

— Я вижу,— продолжал он так же, полущёпотом,— фигуру темнорицею мужчины с непокрытой головой. В одной руке, свисающей вдоль тела, он все еще сжимает пистолет; другою закрывает рот окровавленным платком. Черты его лица искажены предсмертной судорогой, но я его узнаю — это тот самый смуглый человек, который дважды напугал меня в Уинкотском аббатстве, когда взял на руки меня, малого ребенка. В тот день я справился у своих нянюшек, кто это такой, и мне сказали, что это мой дядя, Стивен Монктон. Я вижу его сейчас рядом с вами так же ясно, как тогда, когда он стоял передо мной живой, во плоти, большие черные глаза его сверкают ослепительным мертвым блеском. Так он стоит передо мною непрестанно, с той самой минуты, как его убили, стоит ночью и днем, во сне и наяву, дома и за границей, мы неразлучны всюду, где б я ни был.

Под конец его замирающий шёпот перешел в почти не различимое бормотание. По направлению и выражению его взгляда я заключил, что он обращается к призраку. Если бы я мог видеть сам то, что видел он в эту минуту, я полагаю, это было бы менее страшно, нежели лицезреть его бормочущим в пустоту нечто нечленораздельное, как лицезрел я сейчас. Нервы мои были потрясены всем случившимся более, нежели я мог предположить. Я ощутил смутный страх — мне стало как-то беспокойно оставаться с ним наедине в нынешнем его душевном состоянии, и я невольно отступил на шаг или два.

Он тотчас это заметил.

— Не уходите! Умоляю вас, не уходите! Я вас напугал? Вы мне не верите? У вас устали глаза от света? Я потому только просил вас сидеть у самого огня, что для меня непереносимо свечение, всегда исходящее в сумерки от призрака, оно переходит на вас, когда вы сдвигаетесь в тень. Не уходите, не оставляйте меня одного!

При этих словах полнейшее одиночество, несказанная мука отразились на его лице, что тотчас возвратило мне самообладание, впервые пробудив обыкновенную жалость. Я снова занял свое место у стола, пообещав, что не уйду, пока он сам того не пожелает.

— Благодарю вас тысячу раз, вы сама доброта и терпение, — сказал он, усевшись на тот же стул, что ранее, и с прежней любезностью. — Теперь, когда я перевалил через самое трудное, через первое признание в несчастье, которое тайно преследует меня повсюду, надеюсь, я смогу спокойно досказать вам остальное. Итак, как вы уже знаете, мой дядя Стивен, — тут он быстро отвернулся и, выговаривая это имя, посмотрел на стол, — мой дядя Стивен Монктон дважды приезжал в Уинкот, когда я был ребенком, и оба раза сильно напугал меня. Он всего только и сделал, что взял меня на руки и заговорил со мной — как я впоследствии слышал, очень по-доброму, учитывая его всегдашние замашки, — и все же я ужасно испугался. Быть может, мне показались страшны его огромный рост, темнотица, густые черные волосы, большие усы, как это случается с детьми; быть может, сам его вид как-то странно на меня подействовал, чего в ту пору я не мог ни осознать, ни объяснить. Как бы то ни было, он долго снился мне после отъезда, и в темноте мне чудилось, что он подкрадывается, хватает, подымает на руки. Это прознали слуги, ходившие за мной, и стали пугать меня дядей Стивеном, когда я, бывало, упрямылся и своевольничал. Я повзрослел, но смутный страх и отвращение, которые внушал мне мой отсутствующий родственник, не оставляли меня. Не знаю почему, но я всегда внимательно прислушивался, когда отец и мать упоминали его имя, прислушивался с неведомо откуда взявшимся дурным предчувствием, будто с ним стряслось нечто ужасное и будто ужасное вот-вот случится со мной. Чувство это переменялось лишь когда я остался в аббатстве один, — нет, пожалуй, это началось несколько ранее, — оно переросло в глупее любопытство, с недавнего меня: я хотел узнать, откуда взялось это древнее пророчество, предрекавшее гибель нашему роду. Вы следите за мной?

— С величайшим вниманием, не упуская ни единого слова.

— Тогда вам следует узнать, что несколько стихов из этих давних виршей впервые мне попались на глаза в одной старинной, редкой книге нашей библиотеки, где они приводились в качестве диковинки. На развороте аккурат против цитаты был вклеен грубый старый лубок, изображавший темноволосого мужчину, так сильно походившего на дядю Стивена, каким он мне запомнился, что это совершенно потрясло меня. Я спросил о своей находке отца — это было перед самой его смертью, — но он то ли и впрямь ничего не знал, то ли отговорился незнанием; когда я позднее вновь упомянул пророчество, он раздраженно перевел разговор на другое. То же повторилось с нашим капелланом. Он возразил мне, что портрет был нарисован за несколько столетий до рождения дяди и отождествлялся как о бездарно зарифмованной нелепце. Я много раз пытался возражать ему — я спрашивал, почему мы, католики, сохраняющие веру в благодатный дар чудотворения, никогда не оставляющий угодных Господу, не верим точно так же в то, что в мире неизменно сохраняется и дар пророчества. Он не снизошел до спора со мной, лишь повторял, что мне негоже тратить время на такие пустяки, что у меня слишком разыгрывается воображение и мне бы следовало смирять, а не подогревать его. Подобные советы лишь распалили мое любопытство еще более. Я втайне вознамерился обследовать самую древ-

нюю, заброшенную часть аббатства в надежде выведать в забытых семейных летописях, что это за портрет и когда было впервые начертано или оглашено пророчество. Случалось ли вам провести день в совершенном одиночестве в давно заброшенных старинных покоях?

— Никогда. Такое одинокое времяпрепровождение отнюдь не в моем вкусе.

— Ах, что это была за жизнь, когда я начал свои поиски! Как бы я хотел изведать ее сызнова! Манящая неизвестность, диковинные открытия, безудержная фантазия, пленительные страхи — там было все. Вообразите себе только — вы открываете дверь комнаты, в которую лет сто не входила ни одна живая душа; подумайте, как отзывается ваш первый шаг в затхлом, ужасном безмолвии, где тусклый, бледный свет сочится сквозь истлевшие гардины на забитых окнах; подумайте о скрипе старых половиц, стенающих о том, что вы по ним ступаете, молящих вас о легком шаге; подумайте о шлемах и доспехах, о причудливых шпалерах, изображающих минувшее, о словно мчащихся на вас со стен фигурах, когда вы в первый раз их видите в неясном свете; подумайте о ларях и комодах с железными запорами — какие страхи выскочат на вас оттуда, когда вы выдвинете ящики? — подумайте о том, что, углубившись в содержимое шкапов, вы не заметите подкрадывающихся сумерки — о, как ужасна темнота в таком пустынном месте! — подумайте, что вы пытаетесь нащупать путь назад, но не находите, как будто кто-то вам мешает; подумайте о ветре, воющем снаружи, о том, что мрак сгущается и отрезает вас от мира; вообразите все, и вы поймете чары неизвестности и страха, которые переполняли мою жизнь в ту пору.

(Вообразив, я содрогнулся: слишком очевидны были ужасные последствия той жизни, представшие сейчас передо мной.)

— Итак, время шло, а поиски мои все продолжались, порой я оставлял их ненадолго, потом возобновлял. К чему бы я ни прикасался, повсюду мне встречались маниями меня все далее находки. На божий свет являлись страшные признания в давних преступлениях, ужасные улики тайного порока, надежно избежавшие всех взоров, кроме моего. Подчас эти открытия касались той или иной части аббатства, навсегда приобретавшей для меня собственную пугающую притягательность, подчас — каких-либо старинных портретов в картинной галерее, на которые мне становилось страшно поднимать глаза. Мои находки внушали мне порою такой ужас, что я решался навсегда оставить поиски, но не имел твердости исполнить задуманное: искушение в конце концов овладевало мной с такою силой, что всякий раз я поддавался ему вновь и вновь. Наконец, я нашел некогда принадлежавшую монахам книгу, на чистой странице которой было написано все пророчество целиком. Этот первый успех окрылил меня, заставив снова углубиться в семейные хроники. Я и по сей день ничего не знаю об этом загадочном портрете, однако необъяснимое чувство, сообщившее мне уверенность в том, что он словно списан с дяди Стивена, сообщило мне уверенность и в том, что он имеет большее касательство к пророчеству и знает о нем больше, чем любой другой. У меня не было способа снестись с ним, равно как и возможности проверить, верна ли моя странная идея, однако настал день, когда мои сомнения были разрешены раз и навсегда с помощью того самого ужасного свидетельства, которое и нынче стоит передо мной в этой самой комнате.

Он остановился на минуту и, посмотрев на меня пристально и с явным подозрением, спросил, верю ли я его рассказу. Не колеблясь ни секунды, я ответил утвердительно, что, видимому, рассеяло его сомнения и он продолжал:

— Как-то прекрасным февральским вечером я стоял в одной из нежилых комнат западной башни аббатства и любовался закатом. Перед самым заходом солнца на меня незаметно нашла какая-то странная дурь, которую не пере-

дать словами: я ничего не видел, не слышал, не осознавал. Это полное беспамятство нашло не меня внезапно. То не был обморок, ибо я оставался на ногах и ни на дюйм не сдвинулся с места. Не знаю, возможно ли такое, но я бы сказал, что то было отделение души от тела, только временное, а не смертное. Впрочем, безнадежно пытаться описать тогдашнее мое состояние. Назовите его как угодно: трансом, каталепсией — неважно, известно мне лишь то, что при полной потере чувствительности — а я был истинный мертвец душой и телом, — я продолжал стоять у окна, пока не село солнце. Тут ко мне возвратилось сознание, и когда я вновь открыл глаза, против меня, слабо фосфоресцируя, стоял призрак Стивена Монктона, как он стоит против меня и подле вас сию минуту.

— Это произошло прежде, нежели известие о дуэли достигло Англии? — осведомился я.

— То было за две недели до того, как об этом стало известно в Уинкоте. Но и получив весть о дуэли, мы не знали, какого числа она произошла. Я узнал точную дату лишь когда во французской газете появился документ, который вы только что читали. Вы помните, под ним стоит число — 22-ое февраля? А дуэль, как там говорится, состоялась два дня спустя. В тот вечер, когда мне явилось привидение, я пометил дату в своей записной книжке. То было 24-го февраля.

Он снова смолк, будто ожидал от меня каких-то ответных слов. Но услышав такое, что я мог сказать? Что мог об этом думать?

— В первую же минуту, несмотря на шок, испытанный от вида призрака, я подумал об ужасном семейном пророчестве, и тотчас ко мне пришла уверенность, что это загробное видение — знак, упреждающий меня о роковой судьбе. Как только я несколько опамятался, я решил удостовериться в подлинности созерцаемого, испытать, не жертва ли я собственного большого воображения. Я покинул башню — призрак покинул ее вместе со мной. Под каким-то предлогом я приказал как можно ярче осветить гостиную — призрак все так же стоял против меня. Я спустился в парк — и увидел его при ясном свете звезд. Я ушел из дому и, проделав долгий, многомильный путь, добрался до моря, но и там высокий, черный, корчившийся в смертной муке человек, не оставлял меня ни на мгновение. Я более не сопротивлялся року. Я возвратился в аббатство и постарался смириться с бедой. Но это было выше моих сил. Мне была дарована единственная надежда, более дорогая мне, чем собственная жизнь. У меня была жемчужина, и я содрогался при мысли, что могу ее лишиться, и когда как грозное предупреждение, как роковое препятствие, явился призрак и стал между мной и этой моей единственной жемчужиной, моей самой сокровенной надеждой, несчастье мое стало непосильно. Вы, должно быть, понимаете, о чем я говорю, вам, конечно, доводилось слышать, что я обручен и намереваюсь жениться?

— Да, не раз. Я и сам знаком немного с мисс Элмсли.

— Вы не знаете, чем она пожертвовала для меня, невозможно передать словами, что я испытывал на протяжении долгих-долгих лет, — тут голос его дрогнул, на глазах выступили слезы. — Но я не могу себе позволить, не решаю говорить об этом: от воспоминаний о прежних счастливых днях в аббатстве у меня просто сердце разрывается. Позвольте, я лучше вернусь к нашему прежнему предмету. Должен вам признаться, что я держал в тайне ото всех ужасный призрак, не оставивший меня нигде и никогда, ибо был осведомлен о гнусных слухах, будто у меня наследственное помешательство, и опасался, что любое мое признание будет использовано во зло. Хотя призрак всегда стоял против меня и, следовательно, располагался либо перед моим собеседником, кто б то ни был, либо подле него, я вскоре научился скрывать, что смотрю на него, лишь несколько раз я, кажется, невольно обнаружил себя перед вами. Но когда дело касалось Ады, от всего моего самообладания мало было проку. Приближался день нашей свадьбы.

Он задрожал и остановился. Я молча ждал, пока он овладеет собой.

— Подумайте, что мне пришлось выстрадать: всякий раз, когда я глядел на свою нареченную, я видел этот жуткий призрак! Подумайте, когда я брал ее за руку, моя рука словно пронзала привидение! Подумайте о безмятежных ангельских чертах и об искаженном мукой лице призрака, неизменно соседствовавшим с ними всегда, когда мой взгляд встречался с ее взглядом! Подумайте обо всем этом и вас не удивит, что я открыл ей свою тайну. Она страстно желала узнать всю правду до конца. Да что там желала! Настаивала! По ее настоянию я и рассказал ей все, предоставив право разорвать нашу помолвку. Мысль о смерти явилась в моем сердце, когда я произносил прощальные слова, — о смерти от собственной своей руки, если только жизнь не оставит меня после нашего разрыва. Она это заподозрила, а уже зная о моем намерении, никогда не покидала меня, пока благотворное ее влияние не изгнало эту мысль навсегда. Если бы не она, меня бы уже не было в живых; если бы не она, я никогда не предпринял бы попытку, приведшую меня сюда.

— Означает ли это, что в Неаполь вас послала мисс Элмсли?

— Это означает, что благодаря ее поддержке у меня сложился план, который и привел меня в Неаполь, — ответил он. — Пока я думал, что явившийся мне призрак — роковой вестник смерти, слушать ее уверения в том, что никакой силе на земле нас не разлучит и что она будет жить для меня, для одного меня, чтобы ни стало, было не утешением, а мукой. Но все совершенно переменялось, когда мы вместе рассудили, для чего явился призрак, — все совершенно переменялось, когда она мне показала, что цель его скорейшая, чем зловеющая, и что предупреждение, с которым он был послан, могло служить мне ко спасению, а не к гибели. Едва она это сказала, как у меня родилась мысль, подарившая мне новую надежду — надежду на жизнь. Я уверовал тогда, как верю и сейчас, что получил приказ иных пределов исполнить свою здешнюю миссию. С этим чувством я живу и без него бы умер. Она никогда не глумилась надо мной, никогда не смеялась над моей внутренней уверенностью, как над безумием. Слушайте же! Призрак, представший передо мной в аббатстве и никогда меня не покидающий, здесь и сейчас стоящий рядом с вами, оповещает меня о том, как избежать проклятия, тяготеющего над нашим родом, и повелевает — в случае, если б я желал пренебречь своим долгом, — предать земле непогребенного. Смертная любовь и смертные заботы должны отступить перед этим ужасным призывом. Призрак не оставит меня, пока я не помогу укрыться могильной землей вопиющему о земном приюте! Я не смею вернуться домой, не смею жениться, пока не будет заполнено пустующее в Уинкотском склепе место.

Его широко раскрытые глаза сверкали, голос звучал гулко, лицо горело тем же фанатическим иступлением, каким были проникнуты и речи. Как ни был я потрясен и огорчен, я не стал увещевать и урезонивать его. Бессмысленно было бы приводить расхожие доводы, вроде того, что все это, дескать, обман зрения, игра расторопного воображения, но еще хуже было бы пытаться объяснить естественными причинами диковинные совпадения и происшествия, которые он мне поведал. Как ни мало говорил он о мисс Элмсли, сказанного было довольно, чтобы понять, что бедной девушке, нежно его любившей и лучше всех знавшей, ничего иного не оставалось, кроме как потакать его бреду до последнего, — больше ей не на что было надеяться. С какою преданностью она все еще держалась за надежду исцелить его! С какой решимостью принесла себя в жертву самым болезненным его фантазиям во имя счастливой будущности, которая вряд ли когда-либо наступит. Как ни мало я знал мисс Элмсли, от мысли о ее положении у меня защемило сердце.

— Меня прозвали Безумным Монктоном! — воскликнул он внезапно, нарушив повисшее в течение последних нескольких

минут молчание. — И здесь, и в Англии все, кроме вас и Ады, принимают меня за помешанного. Она была моим спасением — вы тоже станете моим спасением. Внутренний голос сказал мне это, когда я впервые встретил вас на Вилла Реале. Я неперестанно боролся с одолевавшим меня желанием открыться вам и, когда увидел вас сегодня на балу, не в силах был сопротивляться более; призрак, казалось, подталкивал меня к вам, когда вы стояли в безлюдной комнате. Расскажите побольше об этой вашей идее, как искать место дуэли. Если я завтра утром сам выеду на поиски, с чего начать, куда ехать? — Он остановился, силы его явно были на исходе, мысли мешались. — Что мне предстоит делать? Не могу сообразить. Вам все теперь известно, не согласитесь ли вы помочь мне? Несчастье сделало меня беспомощным.



*Джованни Франческо Барбиери.
Пейзаж с руинами и фигурами*

Он помолчал, стал что-то бормотать насчет того, что, если выедет один, все кончено, ничего не получится, принялся сбивчиво объяснять, что промедление смерти подобно, пытался выговорить имя «Ада», но голос изменил ему, и, резко отвернувшись, он разразился слезами.

Охватившая меня в эту минуту жалость пересилила всякое благоразумие, и не думая о последствиях, я обещался сделать, что он ни попросит. Безумное выражение, с которым он вскочил на ноги и схватил меня за руку, тотчас заставило меня вспомнить, сколь уместна была бы большая осторожность, но отказываться от сказанных слов было уже поздно. Лучшее, что оставалось в нынешних обстоятельствах, — это, уговорив его справиться немного с волнением, ретироваться, чтоб хорошенько обдумать все на досуге. Я произнес несколько успокоительных фраз.

— Да, да, — согласился он, — не бойтесь за меня. Теперь, после ваших слов, обещаю сохранять хладнокровие и выдержку, что бы ни случилось. Я так свыкся с привидением, что почти не замечаю его, разве только иногда. К тому же, эта небольшая пачка писем — мое лекарство ото всех болезней страдающего сердца. Это Адины письма, и всякий раз, когда я чувствую, что отчаяние берет верх над моей стойкостью, я перечитываю их. Я пролил вас задержаться на полчаса сегодня вечером, чтоб успеть их почитать до вашего прихода и подготовиться к нашей встрече; когда вы уйдете, я вновь их перечту. Еще раз повторяю — не бойтесь за меня. Я знаю, с вашей помощью я преуспею, и Ада воздаст вам по заслугам, когда мы возвратимся в Англию. Если дураки в Неаполе будут при вас сплетничать о моем помешательстве, не обращайтесь к докторам или друзьям Альфреда в Англии нечего и пробовать. Я не мог внушить себе, что ум его совершенно расстроен и в сложившихся обстоятельствах позволительно передать огласке тайну, которую он доверил моей скромности. Во-вторых, любые мои попытки склонить его к мысли, что от поисков дядиных останков следует отказаться, обречены на провал после моих неосторожных

слов. Придя к таким двум заключениям, я должен был решить единственный на самом деле трудный и мучительный вопрос: вправе ли я помогать ему в его диковинном намерении?

Положим, с моей помощью, он отыщет тело мистера Монктона и ответит в Англию, оправдано ли это — способствовать союзу, который, надо думать, воспоследует из этих моих действий, союзу, противодействовать которому, возможно, должен каждый человек? Это заставило меня задуматься над степенью его безумия, или выражаясь деликатнее, да и точнее, — его мании. Он, несомненно, был совершенно здрав, когда речь шла об обыденных предметах; нет, более того, рассказ его был ясен и связан во всем, что относилось к происшествию. Что же касается привидения, мало ли людей, ничуть не уступавших своим ближним в ясности ума, воображали себя жертвами призраков и даже писали об этом со всей присущей им философичностью? Мне было ясно, что подлинная абсурдность ожидавшего меня дела состоит в том, что Монктон верит в старинное пророчество и в то, что мерещившийся ему призрак был неземным предупреждением, ниспосланным, чтоб он мог избежать грозившей ему участи; точно так же мне было ясно, что главной причиной обеих этих навязчивых идей явилось одиночество, весьма повлиявшее на его ум, и без того легко возбудимый от природы, и еще более ранимый из-за наследственной склонности к душевным болезням.

Излечимо ли это? Мисс Элмсли, знавшая его много лучше моего, считала, — судя по ее действиям, — что излечимо. Тогда на каком основании, по какому праву могу я ничтоже сумняшеся заявить, что она заблуждается? Положим, я откажусь и не поеду с ним к границе, что тогда? Скорей всего, он все равно отправится туда один и совершит все мыслимые и немыслимые промахи, а может статься, встретится со многими опасностями, а я, человек досужий и ничем не связанный, останусь в Неаполе, бросив Монктона на произвол судьбы, и это после того, как я сам предложил ему план действий и поощрил его доверие ко мне. Так вновь и вновь, со всех сторон обдумывая я это дело, имея преимущество, скажу по совести, оценивать его практически и только. Как человек, не доверявший рассказам о привидениях, я был совершенно убежден, что Альфред заблуждается, считая, что видел призрак дяди ранее, чем весть о его смерти достигла Англии, соответственно, я нимало не поддался мании своего несчастного друга, когда принял бесповоротное решение сопровождать его в его невероятных поисках. Возможно, тут сказалась моя ветреная склонность к сильным впечатлениям, но должен прибавить, из справедливости к самому себе, что мной руководило также и горячее сочувствие к Монктому, и искреннее желание, сколько возможно, облегчить страдания бедной девушки, по-прежнему верно ожидавшей его в Англии и не расстававшейся с надеждой на благой исход.

Некоторые предотъездные приготовления, которые я счел необходимым сделать после очередного разговора с Альфредом, выдали цель нашего путешествия большинству неаполитанских знакомых. Всеобщее удивление, разумеется, не имело границ, почти все заподозрили, что, на свой лад, я, пожалуй, не меньший безумец, чем Монктон, и довольно откровенно это мне высказывали. Иные, правду сказать, пытались подорвать мою решимость, напоминая, каким бес-

пардонным негодяем был Стивен Монктон, словно я из своего личного интереса отправлялся искать его останки! Насмешки трогали меня так же мало, как и другие доводы, преследовавшие ту же цель, — я принял решение и был неколебим, как и ныне.

Спустя два дня все было готово, и я распорядился, чтобы к нашему крыльцу подали дорожную карету несколькими часами ранее, чем было заказано вначале. Чуть ли не все наши английские знакомые грозилась дать «прощальные напутствия», и я полагал, что лучше уберечь от них моего друга, ибо, надо признаться, он был сильнее возбужден дорожными сборами, чем мне бы того желалось. Тотчас после восхода солнца, когда на улицах не было ни одного зеваки, готового глядеть на нас, мы, никому не докладываясь, покинули Неаполь.

Неудивительно, должно быть, что я не в силах был осмыслить собственное положение и инстинктивно старался не загадывать даже на день вперед, но вдруг я осознал, что выбор совершен и вдвоем с «Безумным Монктоном» еду искать труп дуэлянта вдоль всей римской границы.

Глава 5

Я решил про себя, что в качестве нашей штаб-квартиры лучше для начала использовать город Фонди, расположенный близко от границы; через посольство я договорился, что свинцовый гроб, надежно запряганный в ящик и заколоченный гвоздями, мы оставим там. Мы были отлично экипированы: помимо паспортов, у нас были с собой рекомендательные письма к местному начальству всех сколько-нибудь заметных пограничных городов и, главное (благодаря огромному наследству Монктона), в нашем распоряжении было довольно денег, чтобы нанять любого человека, чья помощь нам была бы желательна на всем пути вдоль фронта наших поисков. Благодаря таким разнообразным мерам любое средство, облегчающее действия и предусмотренное в твердом расчете на то, что мы достигнем цели и найдем труп дуэлянта, было нам доступно. Но в случае — и очень вероятно, — что мы не преуспеем, наши виды на будущее, в особенности из-за взятой мной ответственности, были не столь приятны, чтобы хотелось их обдумывать заранее. Признаюсь, мне было не по себе, я ощущал едва ли не отчаяние, когда мы неслись под ослепительным итальянским солнцем по дороге в Фонди.

Первые два дня прошли легко, ибо я настоял, чтобы мы, учитывая состояние Монктона, путешествовали неспешно.

В первый день чрезмерное возбуждение моего друга слегка меня тревожило, он проявлял, больше разнообразных симптомов расстроенного воображения, чем я уже и ранее замечал за ним. Однако же на следующий день он вроде бы научился судить более трезво о новом плане поисков, к которому мы склонились, и во всем, кроме одного обстоятельства, выказывал достаточно спокойствия и бодрости. Но всякий раз, когда речь заходила о его покойном дяде, он неизменно утверждал — из веры в давнее пророчество и под влиянием призрака, который постоянно видел или полагал, что видит, — будто тело Стивена Монктона, где бы оно ни находилось, так и осталось не захороненным. Во всем остальном он соглашался со мной с величайшей готовностью и кротостью, но тут отстаивал свое диковинное убеждение с упорством, не совместимым с разумом и доводами рассудка.

На третий день мы остановились в Фонди. Догнавший нас там ящик с гробом был отправлен под замок в надежное место. Мы наняли мулов и взяли в провозатые человека, отменно знавшего округу. Мне пришло в голову, что поначалу нам лучше доверять подлинную цель нашего путешествия лишь самым надежным людям, которых нам удастся отыскать среди образованного сословия. По какой-либо причине мы отчасти последовали примеру участников роковой дуэли и на утро четвертого дня выехали, взяв с собой альбомы и ко-

робки с красками, словно художники, искавшие места живописнее.

Проехав несколько часов в северном направлении со стороны римской границы, мы остановились передохнуть и дать роздых нашим мулам в заброшенной деревушке, расположенной вдали от туристических маршрутов.

Единственным сколько-нибудь приметным человеком там был священник, к нему первому я и обратился с расспросами, оставив Монктона с проводником дожидаться моего возвращения. По-итальянски я говорю вполне свободно и достаточно правильно, чтобы сказать то, что мне нужно; я был подчеркнуто вежлив и осторожен, излагая свое дело, но, несмотря на все мои старания, достиг я лишь того, что каждое следующее слово пугало и изумляло беднягу священника все более. Известие о дуэли и об убитом, казалось, почти заставило его лишиться чувств от страха. Он опустил голову, ерзал, возводил очи горе и, страдальчески пожимая плечами, сказал мне с бурным итальянским многословием, что не имеет ни малейшего понятия, о чем это я толкую. То было мое первое поражение. Признаюсь, что проявил слабость и возвратился к Монктону и проводнику, несколько пав духом.

Дневная жара спала, и мы вновь пустились в путь.

В трех милях за деревней большак или скорей проселочная дорога раздваивалась. Правая ее часть, как сообщил наш проводник, идет через горы к монастырю, стоящему милях в шести отсюда. Если мы проберемся за его тыльную часть, то вскоре достигнем неаполитанской границы. Левый рукав дороги глубоко вдается в земли Папской области и приведет нас к небольшому городку, где можно остановиться на ночлег. Тем самым, римская территория являла собой первую и наиболее подходящую площадку для наших поисков, а монастырь всегда оставался в пределах досягаемости на случай, если бы мы вернулись в Фонди ни с чем. К тому же, левая дорога шла через самую дикую часть местности, которую мы начинали обследовать я всегда был за то, чтобы преодолевать самое трудное сначала. Экспедиция, явившаяся следствием этого решения, продлилась целую неделю и ничем не завершилась. Мы не нашли решительно ничего и возвратились в нашу штаб-квартиру в Фонди настолько обескураженные, что не знали, куда направить стопы далее.

Меня гораздо более заботило, как наше путешествие сказалось на Монктоне, нежели сама неудача. Решимость словно бы совершенно покинула его с тех пор, пока мы повернули вспять.

Поначалу он сделался раздражителен и капризен, после — безмолвен и уныл. В конце концов, он погрузился в спячку, умственную и телесную, серьезно меня встревожившую. На утро после нашего возвращения в Фонди у него явилась странная склонность спать без просыпу, и я заподозрил, что у него воспаление мозга. За целый день он не обменялся со мной ни единым словом и, казалось, более никогда не пробудится ото сна вполне. На рассвете следующего дня я вошел к нему в комнату и увидел, что он все так же безмолвен и сонлив. Его слуга, бывший тут же, сообщил, что у Альфреда и ранее однажды или дважды наблюдались такие же симптомы умственного переутомления, как и нынче, то было еще при жизни его отца. Услышав это, я немного успокоился и позволил своим мыслям возвратиться к миссии, которая и привела нас в Фонди.

Пока мой спутник будет приходить в себя, я использую время, чтобы продолжить поиски, решил я. Дорога, уходившая направо, к монастырю, еще не была испытана нами. Если я выйду ее разведывать, я расстанусь с Монктоном всего лишь на ночь, а по моем возвращении он, по крайней мере, сможет быть доволен тем, что еще одна неопределенность, связанная с местом дуэли, будет устранена. Эти соображения заставили меня решиться. Я оставил записку моему другу на случай, если он спросит, где я, и вновь поехал в деревню, где мы останавливались, отправляясь в свою первую экспедицию.

Путь в монастырь я делил общество с проводником и его

мулами, но в том месте, где дорога раздваивалась, отослал его назад в деревню, чтобы он ожидал там моего возвращения.

Первые четыре мили дорога полого подымалась вверх по открытой местности, затем вдруг стала круто забирать наверх, все глубже заводя меня в чащобы и бесконечные леса. К тому времени, когда мои часы показали, что я почти прошел назначенное расстояние, горизонт со всех четырех сторон пропал из виду, а неба над головой не было видно из-за непроницаемой завесы листьев и ветвей. Я все так же следовал за своим единственным поводырем — крутой тропинкой, и минут через десять, внезапно выбравшись на участок довольно ровной и расчищенной земли, увидел перед собой монастырь.

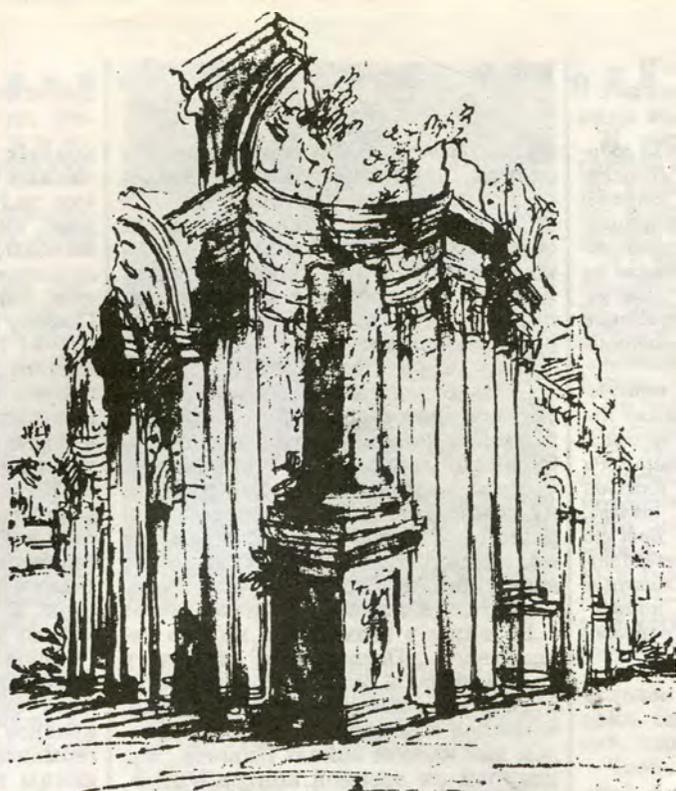
То было мрачное, низкое, зловещее строение. Ни малейшего признака жизни, никакого движения не ощущалось вокруг. Некогда белый фасад часовни был испещрен зелеными подтеками. Толстые складки мха залегали в трещинах

тяжелых, хмурых монастырских стен. Длинные гибкие сорняки, выбивавшиеся из расщелин крыши и парапета, свисали чуть не до земли и устало колыхались взад-вперед сквозь зарешеченные окна келий. Даже у подножия надвратного креста с прибитой к нему деревянной фигурой пугающе натуральных размеров кишка кишлаки какие-то мелкие ползучие твари, он был какой-то липкий, позеленевший, доверху прогнивший, и я несколько отшатнулся.

Возле ворот висела веревка дверного звонка со сломанной ручкой. Я потянулся к ней, но заколебался, сам не знаю, почему и, вновь взглянув на монастырь, стал обходить его сади, отчасти для того, чтобы выиграть время и поразмышлять над тем, что делать, отчасти из необъяснимого любопытства, побуждавшего меня, на удивление самому себе, исследовать извне все, что возможно, и лишь потом пытаться проникнуть за ворота.

За монастырем я увидел хозяйственную постройку, прилепившуюся к стене, — неуклюжее, разрушенное строение, с почти провалившейся крышей и рваным проломом в стене, видимо, в том месте, где прежде находилось окно. Флигель осеняли сади особенно густые заросли деревьев. Глядя на них, я не мог понять, шла ли дальше земля вверх или под уклон, покрыта ли она травой, усеяна ли камнями, мягкий ли это грунт или твердый. Ничего нельзя было разглядеть, кроме заполнившей все листья, куманики, папоротников и высокой травы.

Ни единый звук не нарушал гнетущее безмолвие. Ни единый птичий крик не доходил из окружающей меня лиственной пустыни, ни единое человеческое слово не доносилось из-за мрачной стены монастырского сада, ни разу не пробили часы на башне часовни, ни разу не залаяла собака в разрушенной пристройке. Гробовая тишина невыразимо усиливалась заброшенность этого места. Я почувствовал, как сильно она гнетет меня, тем более, что лесные прогулки никогда не составляли моего любимого досуга. То букколическое счастье, которое обычно так расписывают нам поэты, воспевая жизнь в лесу, на мой взгляд, весьма уступает жизни



Антонио Каналетто.
Руины замка

в горах и на равнине. В лесу мне не хватает бескрайней прелести небес и дивной мягкости ландшафта, которую дарит расстояние. Мне в тягость несвобода, которую претерпевает вольный воздух, скованный листвою; меня всегда пугает, а не радует таинственный, недвижимый, странный свет, тускло поблескивающий в чаще меж деревьев. Можно упрекнуть меня в грубости вкуса, в нечувствительности к волшебной красоте деревьев, но должен откровенно признаться, что не было случая, чтобы, углубившись в лес, я не ощутил, что самое приятное в моей прогулке — возвращение, пусть хоть на самую бесплодную равнину, на самый пустынный горный склон, на самую суровую вершину, словом, куда угодно, но только бы видеть небо над собой и простирающиеся дали впереди, сколько охватывает глаз.

После признания, подобного тому, которое я только что сделал, никого не удивит, что, стоя у разрушенной пристройки, я испытал сильнейшее

желание немедленно повернуть назад и поскорее выйти из лесу. Я, собственно, и впрямь так сделал, но мысль о взятом мной на себя поручении заставила меня остановиться. Трудно было ожидать, что меня пустят внутрь, если я позвоню в звонок; но если даже пустят, еще труднее было ожидать, что обитатели сумеют дать мне путеводную нить. И все-таки из чувства долга перед Монктоном я не мог пренебречь ничем, что могло бы помочь ему в его отчаянной затее. Поэтому я вновь решил идти к монастырским воротам и позвонить в звонок, будь что будет.

Проходя мимо пристройки и, по чистой случайности, бросив взгляд туда, где зиял рваный провал, я обратил внимание на то, что он находится довольно высоко.

Остановившись, чтобы разглядеть его, я заметил, что лесная духота еще невыносимей, чем обычно. Потерпев с минуту, я развязал галстук.

Удушливость атмосферы? Нет, хуже. Мое обоняние страдало больше легких. В воздухе стоял какой-то слабый и неизъяснимо смрадный запах — запах, которого мне никогда прежде не доводилось обонять, запах, который (я осознал это теперь, сосредоточив на нем свое внимание) тем явственнее обнаруживал свой источник, чем ближе я подходил к пристройке.

После того как я два или три раза повторил эксперимент, то приближаясь к флигелю, то удаляясь, во мне заговорило любопытство. Вокруг лежало множество камней и битых кирпичей. Я сложил из них кучу под проломом в стене и, мучась стыдом за совершаемое, взобрался на нее и заглянул внутрь.

Чудовищное зрелище, открывавшееся взору в тот миг, когда я посмотрел в дыру, свежо в моей памяти, словно то было вчера. Даже через столько лет я не в силах описать увиденное, не испытав того же ледящего кровь и стискивающего сердце ужаса, что и тогда.

(Продолжение следует)

Перевод с английского
Т. Казавчинской

Вполне естественно, что военная година обостряет чувство национальности и внимание к будущему своей страны или своего народа. Это фундаментальное обстоятельство плюс ряд других, более, так сказать, случайных, вызвали на страницах газет в июне 1904 года целую волну публикаций — рассуждений либо мечтаний — на тему национальной будущности.

Великий Менделеев, создатель периодической системы элементов, помимо химии много занимался вопросами промышленного развития России, был своего рода эконом-философом, уверенным в близкой неизбежности, как сказали бы теперь, российского экономического чуда. Вот его интервью корреспонденту «Петербургской газеты», оставляющее смешанное впечатление глубокомыслия и наивности, лучше всего передаваемое словами

Нет пророка в своем отечестве

Вы когда-нибудь разговаривали с Дмитрием Ивановичем Менделеевым? Если нет — жаль. Жаль по двум причинам: потому что вы были лишены возможности послушать, во-первых, человека с удивительно интересными, оригинальными взглядами, а во-вторых — совершенно своеобразного оратора. Оратора нервного, увлекающегося, горячего. Оратора, речь которого начинается вяло, точно нехотя, затем переходит в тон более спокойный, более уверенный и... вдруг сразу прерывается. Почему? Без всякой причины... Прерывается на несколько мгновений задумчивости, после которых характер ее сразу меняется. Так льются воды реки, приближаясь к порогам. Тихо льются, едва заметно. А перед порогами — затор. Секунда... две... три... И сразу перемена: точно огнем опалило воду... закипела она, зашумела, брызги как искры полетели в воздух...

Такое впечатление страшной силы, и умственной, и нервной, производит речь Дмитрия Ивановича Менделеева.

Я слушал нашего уважаемого ученого, сидя в его кабинете, в парстве книг. Книги по стенам, на столах, на диване и на полу... Это ли не царство книги?... Здесь работает, а значит и живет Дмитрий Иванович. Здесь, за письменным столом, украшенным портретами нескольких друзей и членов своей семьи, профессор принимает всех, кто является к не-

му по делам. Он говорит много и охотно... Он говорит, меня папиросу за папиросой, которые тут же скручивает, беря табак и бумагу из стоящего перед ним стеклянного ящика с серебряной крышкой. Этот ящик и розовая фарфоровая чашка с чаем никогда не сходят со стола Дмитрия Ивановича.

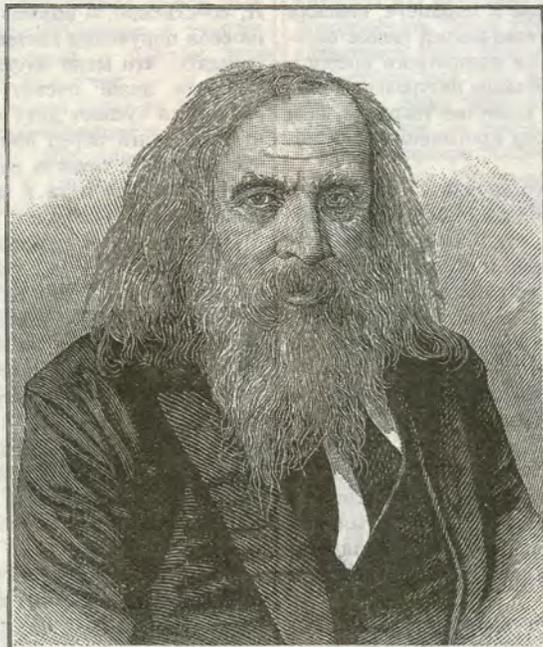
Итак, я слушаю.

— Вы спрашиваете, как может отозваться настоящая война на экономической жизни России в будущем?... Странный вопрос... Представьте себе, что у меня на ноге был бы прыщик, ну там какая-нибудь короста... Хорошо... И вдруг вы спросили бы меня, как эта ерунда, эта мелочь, эта дрянь отзовется на моем здоровье?... Да никак! Вот и все.

Не вижу в этом ровно ничего непонятного... Послушайте, неужели в экономической жизни России могут играть роль потери нескольких броненосцев или вообще убытки, которые нам нанесет война? Никогда. Мы покроем их военной контрибуцией, которые получим с японцев. Ведь все равно мы их задавим. Это мое глубокое убеждение. Окажется мало войска — еще сто тысяч пошлем... еще полмиллиона... В конце концов

ховных интересов, никаких отвлеченных наук. Они прямо говорят: «не надо нам этой вашей философии, выводы нам подавайте, такие выводы, которые можно было бы применить на практике. Покажите нам, как класть деньги в карман»... Почему японцы кичатся своей культурой? Не знаю... Что они нам дали? Ничего... В этом отношении Китай нельзя с ними сравнить. В Китае началась астрономия, Китай дал магнитную стрелку... Да позвольте, а вот же самый чай, а шелк — все это из Китая... Могут спросить: что же дала Россия? Положим, немного. Но зато в России есть собственная литература, а в Японии... Это черт знает что такое — японская литература. Я читал переводы. Лепет каких-то младенцев!..

Извольте, вернемся к вопросу экономическому. У Тарда (французский социолог — *Ред.*) есть прекрасное место, касающееся франко-германской войны. Он говорит, что немцы могли бы нанести французам огромный экономический вред, если бы лишили их представления о том, что такое иголка... Конечно, иголка взята здесь как пример... Вот, от такой пустячной вещицы, как иголка, французы могли бы потерять очень много — потому что потребовались бы опять несколько веков для нового создания иголки. Если бы японцы могли лишить нас представления о... ну хотя бы визитных карточках, это было бы большой потерей. А все остальное — пустяки. Примеров, что государства богатеют после войны, можно найти сколько угодно. Это тоже вполне понятно... Силы государства будут более использованы. Россия похожа на Ниагарский водопад, который может расходовать 10 миллионов сил, а пользуются у него какими-нибудь 50 тысячами... Так и у нас... Нет, нет, экономический расцвет страны совершенно не зависит от потопленных на войне броненосцев. Для него существуют другие причины, гораздо более серьезные — гораздо... гораздо...



Дальше корреспондент сообщает, что его собеседник недавно выпустил в свет очередную часть своего политико-экономического труда «Заветные мысли» — и заканчивает интервью следующим пассажем:

японцы все-таки проиграют эту войну. Да так и должно быть...

Потому что русские более одухотворенный народ, чем японцы... Действительно, что такое японцы?... Мой покойный сын жил в Японии два года, он рассказывал... Они просто практические люди... Есть такие... Эти люди не признают никаких ду-

В своей книге Д. И. Менделеев отвечает между прочим на один весьма интересный вопрос: «в чем наша сила?»

Ответ такой:

«Наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умоножающей прирост народа, и в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия».

*Эн-Эн («Петербургская газета»,
13 июня 1904 года)*

21 июня неподалеку от Вены умер основатель и вождь сионистского движения, бессменный председатель конгрессов сионистов, журналист по профессии доктор Теодор Герцль. Нужно признать, что «большая» русская пресса — будь то правое «Новое время» или либеральное «Русское слово» — явно замолчали это событие, как и вообще замалчивали яркую личность и деятельность лидера еврейской диаспоры. Зато в газетах в «черте еврейской оседлости» кончина Герцля долго оставалась событием номер один. Вот характерный пример — пылкая статья одесского публициста С. И. Гольдельмана, писавшего под псевдонимом Сиг, полная преувеличений и дурного пафоса, но вместе с тем и трогательной благодарности покойному, которого можно было бы назвать

Социниатель государства

Среди всех его блестящих произведений-фельетонов этот «фельетон» был, несомненно, самый блестящий.

По смелости замысла. По впечатлению, оставленному на «читателе». По его последствиям...

«Фельетон», который должен составить эпоху и в истории мировой жизни, и в истории того народа, на сокровеннейшие чувства которого он был главным образом рассчитан.

Герцль сочинил... государство! Величайшие произведения величайших писателей всех времен и народов не могут соперничать с этим произведением Теодора Герцля.

Какой головокружительный успех! Даже «Война и мир» Льва Толстого — уж на что гениальное произведение! — при всем величии его мысли, при всей глубине идеи и красоте содержания — не собрало ни одного конгресса...

А «государство» Теодора Герцля воскресило из мертвых миллионы людей, взволновало их дух, заставивший и обветшалый, и заставило жить, кипятились и стремиться к какой-то отдаленной, отдаленной цели...

На горизонте загорелся яркий огонек.

Теодор Герцль своим «Judenstadt» открыл этот огонек.

И миллионы людей, как один человек, устремились туда свой взор... Протянули к вождю своему свои руки, умоляя:



— Веди нас.

И в этой умоляющей позе, в которой застыли миллионы людей, было столько доверия! Столько надежды! Такие люди рождаются тысячами.

Ибо нужна гениальнейшая смелость ума, чтобы дерзнуть на такую пропаганду.

И нужен величайший такт, дипломатический гений, чтобы быстро окружить себя сотнями тысяч горячих, самоотверженных поклонников и последователей.

Может быть, при других условиях Теодор Герцль сделался бы руководителем политической жизни одного из существующих государств.

Но Герцль не из таких натур, которые способны работать на арене, созданной другими.

Для его необъятного ума такая арена была бы слишком тесной.

И его государственный гений подсказывает ему мысль дерзновенно-величественную:

— Я сам создам себе государство!

От великого до смешного один только шаг.

Будь Герцль чуточку менее даровит, чуточку менее умен, чуточку менее гениален — он прослыл бы только чудачком.

Такие люди гораздо чаще слышат безумцами, чем гениями.

От таких людей гораздо чаще стонутся, как от помешанных...

И для того, чтобы заставить весь мир отнестись к подобному замыслу серьезно, откликнуться на подобную пропаганду горячо и искренно, — нужен действительно гений...

С каким достоинством — поистине царственным — он ведет переговоры с теми великими державами, от общего сочувствия которых зависит осуществление его заветной мечты!

Державы не ведут переговоры с первым встречным:

— Покажи свои полномочия.

Герцль говорил и действовал от лица миллионного народа.

И весь мир видел, что за его спиной стоят действительно миллионы людей, которые трепетно и жадно ждут его призыва, чтобы двинуться туда, куда он укажет...

И с ним, как с признанным представителем народа, ведут переговоры монархи и правительства таких держав, как Англия и Турция...

Был ли Герцль сионистом? Сомневаюсь.

Он жаждал государственной деятельности для себя.

И стремился к государственной самостоятельности того народа, из которого он вышел и счастьем которого он решил посвятить свою жизнь, свой ум, свой государственный гений.

Это — не сионизм. Не сионизм в том смысле, в каком его принято понимать.

Слишком широкого ума это был человек, чтобы сузить до такой степени свою программу, свой замысел, свой план.

Чтобы очертить на географической карте маленький клочок земли и решить:

— Здесь, на этом клочке, и нигде больше!

— В Сионе, и только в Сионе!

Слишком передовой это был человек, слишком всемирный, слишком «всечеловеческий», чтобы связать будущность народа с традициями, с плачем Иеремии, с преданиями...

И он понимал, что народу нужна территория и независимость. Все равно, где бы эта территория ни была. Лишь бы этой независимости можно было добиться.

Проект основания государства в Уганде — яркое тому доказательство...

(Имеется в виду один из неосуществившихся вариантов расселения еврейской диаспоры, принимавшийся Герцлем, тогда как ортодоксальные сионисты соглашались говорить только о Палестине. Именно в этом локальном контексте Гольдельман отказывается считать Герцля «сионистом». — *Ред.*)

Править народом нужно уметь! Сохранить его доверие можно только величайшим тактом.

Как великолепно улавливал народное настроение Теодор Герцль!

А масса за тысячи и десятки тысяч верст взирала на него из своих медвежьих уголков с умилением и благодарностью.

За ту сладкую мечту, которую подарил ей его гений.

*Сиг («Одесские новости»,
23 июня, 1904 года)*



70909 Цена номера: по подписке — 350 рублей, в розничной продаже — свободная